

СРПСКИ ИСТОРИЈСКИ ИНСТИТУТ
Л. Бр. 2817/4
П. Бр. 2744

ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

таб. 3 1/2

ПОВРЕМЕНИ СПИС
ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

УРЕЂУЈЕ

А. БЕЛИЋ

УЗ

СТАЛНУ САРАДЊУ

г. г. А. МЕЈЕ-А, проф. Collège de France, А. СТОЈИЋЕВИЋА, проф. Унив. у
Љубљани, К. ЊИЧА, проф. Унив. у Кракову, Љ. СТОЈАНОВИЋА, акад. у
Београду, М. РЕШЕТАРА, проф. Унив. у Загребу, О. ХУЈЕРА, проф. Унив.
у Прагу, Р. НАХТИГАЛА, проф. Унив. у Љубљани, СТ. ИВШИЋА, проф.
Унив. у Загребу, СТ. М. КУЉБАКИНА, проф. Унив. у Београду, ФР. ИЛЕШИЋА,
проф. Унив. у Загребу, ФР. РАМОВИЋА, проф. Унив. у Љубљани и Х. БАРИЋА,
проф. Унив. у Београду.

Ова је књига дигресијом припремана.

КНИГА IV.

Подвлачио речи Св. Марковљев

Исписивао речи 2. Јашић

Листићи проверени и сређени по реду текста.

Број листића: 119 - 9 = 110

Београд, 26-III - 1949 год.

Евидентичар

Милан Бајевић

БЕОГРАД, 1924.

Акцентологическіе этюды.

I.

Вторичная циркумфлектированная интонація перед былыми долготами в словинском.

(Посвящается памяти академика А. А. Шахматова.)

1.

Закон перехода праславянской акутированной интонаціи перед заударными долготами, слѣдующими непосредственно или отдѣленными слогом (слогами), в интонацію циркумфлектированную (нисходящую) установлен Шкрабцем и подробно обоснован М. Валявцем (Rad jugoslavenske Akad. CXXXII 1897 г.).

Формулировка Валявца: „Интонація мѣняется на \sim , вѣроятно, потому, что послѣдній слог имѣл или еще имѣет на гласном суффикса долгую восходящую интонацію“ покрывала, однако, только часть фактов; при объясненіи случаев вродѣ *lęzem, lęzeš*, Валявцу приходилось прибѣгать к реконструкціи таких неприемлемых форм, как *-emь, esь* (стр. 155), в которых рефлекс праславянской краткости удлинялся в предударном положеніи (ср. и А. Breznik, Archiv f. slav. Philol. XXXII., стр. 404). Формула А. А. Шахматова, Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка 1915 г., стр. 92 и слѣд.: „переходить въ \sim передъ слѣдующимъ долгимъ (впослѣдствіи сократившимся) слогомъ“ покрывает всѣ факты, но оставляет совершенно свободным рѣшеніе вопроса, в каких именно случаях имѣли мѣсто впослѣдствіи сократившіяся заударныя долготы. Гипотезы относительно судьбы заударных долгот, предложенныя Шахматовым, построены на матеріалѣ, который может быть в значительной части оспариваем, и потому мнѣ представляется полезным детальный пересмотр фактов, сюда относящихся. Их значеніе для реконструкціи праславянской системы акцентуаціи ясно из двух связанных с данным законом положеній, выдвинутых Шахматовым в этом же трудѣ:

1. Перед слѣдующей долготой в \sim переходит только старая акутированная¹ интонація, тогда как третья праславянская² отражаётся в видѣ \cdot .

¹ Терминологія измѣнена.

² Для ея обозначенія в дальнѣйшем употребляю знак \cdot .

2. На слѣдующій слог переносится только \sim старое из праславянской циркумфлектированной интонаціи (\sim); \sim новое, полученное из \cdot перед заударным долгим слогом, сохраняется на старом мѣстѣ.

Перед нами, слѣдовательно, явленіе, позволяющее с извѣстной отчетливостью разграничить три праславянскія интонаціи долгот.

Трехсложныя слова с долгими гласными полного образованія, ударяемая на первом слогѣ, представляют в ранній період праславянскаго языка типы: 1. $\cdot \sim \sim$; 2. $\cdot \sim \sim$; 3. $\cdot \sim \sim$, откуда, по закону Де-Соссюра-Фортулатова, $\sim \sim \sim$; 4. $\sim \sim \sim$. (О нем см. ниже.)

Из них под дѣйствіе разсматриваемаго закона могут подходить первый и второй, если заударныя долготы сохранились в срединных слогах.

Суффикс *ica*, имѣвшій акутированную интонацію *i* (как показывают отсутствіе переноса ударенія на \dot{a} ,¹ если исходить из первоначальнаго *icȧ*, и отношенія вродѣ серб. *брадица* : *брада*, *браду*, но *бабица* : *баба*, если предполагать первоначальное удареніе начальнаго

¹ Сербск. *ica*, *ica* (A. Leskien, Untersuchungen üb. Quant. u. Beton. in d. slav. Sprachen. Abhandl. d. phil.-hist. Classe d. k. Sächs. Gesellschaft d. Wissenschaft. B. X, 1885, s. 194—195, Grammatik d. serbo-kroat. Sprache, 1914, s. 169) представляют, скорѣе всего, новообразованія, из которых вряд ли можно что-либо вывести для праславянскаго языка. Отчасти они продукт аналогіи *ina*, *ina*: ср. *равнина* — *равница* = равнина, в Новом (чакавск.) *gavnina* и также *gavnica* (см. А. Беличъ, Замѣтки по чакавскимъ говорамъ. Извѣст. XIV, отд. стр. 45), *брзѣца*, *брзѣца* „вода, гдѣ тече брзо преко камня“ — *брзѣна* = быстрота, *кривѣца* ‚Schuld‘ — *кривѣна* ‚die Krümme, curvitas‘, *ситѣница* f. pl. — *ситѣнина* ‚die Kleinigkeiten, scruta‘ и т. п., отчасти обобщенія из послѣдних в значеніи названій растений: *ситѣница* ‚cerasus silvestris‘, *ирѣница* ‚cerasum nigrum‘, *врѣница*, *иреслицѣца* ‚hyacinthus botryodes‘, *шеничѣца* ‚melilotus coerulea?‘, *хурѣчѣца* ‚convallaria majalis‘ (ср. и *хурѣчѣца*, gen. *хурѣчѣца* в том же значеніи), *гунѣца* ‚cotoneaster‘, *дикѣца* (в Срѣмѣ) ‚xanthium spinosum‘. В послѣдней группѣ, впрочем, можно догадываться и о праславянскомъ вариантѣ к суффиксу $\cdot *ika$ — $\cdot *ica$ с тѣм же удареніем и в асс. с., т. е. не из $\cdot *icȧ$, $\cdot *icō̇$. Формы типа *-ѣца* в таком случаѣ пришлось бы считать подвергшимися аналогіи перваго типа. Не исключена возможность и вліянія суффикса *-ьса*: ср. дубр. *йайраца* dimin. от *йайраш*. Въ этихъ группъ случаи конечнаго ударенія очень рѣдки.

Словинскія *iglica* (горенск.) при *iglica*, *igrica* при *igrica*, *meglica* при *meglica*, штир. *méglica*, *gubica* при *gubica*, доленск. *gubica*, *stezica* при *stezica* . . . имѣют удареніе на концѣ, вѣроятно, в связи с редукціей подударнаго корня (рефлексы \cdot , \cdot , и кратких *и*, *i*).

слога), во всѣх славянских языках, которые могут это обнаружить, выступает с заударным *i* кратким. Словинский соответственно с этим сохраняет начальное ². Таким образом эта категория заставляет предполагать, что древнѣйшія сочетанія „²“ перешли уже в эпоху до дѣйствія разсматриваемаго закона, может быть, уже в праславянском языкѣ, в „²“. Это же находим в случаях вродѣ *dělati, vīdēti, gáziti, dělalo, vīdēlo, gázilo* и друг. Отношенія, наблюдаемыя в трехсложных словах с гласными полного образования, повторяются в случаях с конечным отпавшим редуцированным: слов. *dělal, glédal*, чешск. *dělal, hledal*; слов. *dělaj, glédaj*, чешск. *dělej, běhej*.

Есть, однако, нѣкоторые факты, противорѣчащіе положенію о сокращеніи заударных акутированных долгот. Инфинитивы глаголов второго класса имѣли, как ясно из отношеній вродѣ русск. *шлянуть*: *гнущь* из **tęgnōti*: **gŭ(b)nōti*, в суффиксальной *no*- акутированную интонацію; между тѣм в рядѣ славянских языков долгота в заударном положеніи в рефлексам этого суффикса сохранена: чакавск. *gñūt, kǎpnūt, otkñūt* (Нови — Белич), в Озриничах и Прчани *gñūt, umüknūt* (M. Rešetar, Die serbokroatische Betonung südwestlicher Mundarten, § 101), чешск. *hynouti, zdvihnouti*, польск. *ginać, dzwignąć*, словинцк. *hñōće, cāsñōće*.¹

Там, гдѣ мы имѣем, как в литературном сербском *гнущи, дѣгнуши*, краткость, ее можно разсматривать как результат вліянія параллельных форм с удареніем, перенесенным по закону Де-Сосюра-Фортулатова на акутированный гласный суффикса.² В словинском суффикс *no*- сохраняется в восточных нарѣчіях и в резьянском, причем приведенные из угорскаго у Валявца (Rad CV) факты представляются мнѣ подтверждающими положеніе о сохраненіи

Примѣры, вродѣ *bīčica* ‚d. weibliche Lamm‘, *bīstrica* ‚d. Wildbach‘, *mřzlica* ‚d. Fieber‘, получили интонацію от параллельных *bīčič* ‚junger Widder‘, *bīstri* ‚быстрый, чистый‘, *mřzli* ‚холодный‘, *grāšica* ‚d. Wicke‘, имѣет соотвѣтствие в штирійском *grāšič* и т. п. *jāščerica, āščerica, āškerica* при *gāščerica, jāščarica* (Pleterš.), ср. у него же *kūščarica, kūščerica* — малонадежныя въ смыслѣ фонетическом формы: ср. *ašarca* (Janežič, Popolni ročni slovar slovenskega in nemškega jezika, 1851). К *gosēnica* ср. *gosēnca* = **gosēnca* у Мурка. — Неясным остается *sūlica*. Слѣды **icā* (*-icā*) обнаруживаемые Миколой въ словинцкомъ (Ursi. Gr. 145—146 с. с.) спорны въ смыслѣ праславянскаго мѣста ударенія: *lāsācā, vorlācā* может быть сохранили старое мѣсто ударенія, измѣнив интонацію (см. слѣдующій этюд).

¹ Орфографія Лорентца упрощена.

² Иначе А. А. Шахматовъ. Очеркъ, § 159.

заударной долготы в этой категории и, слѣдовательно, перехода ² > ²: *poglēdnoti, krādnoti, stānoti* в угорском (серб. *глѣднуши, сїднуши*) можно разсматривать как примѣры рефлекса новаго ². К фактам аналогическаго происхожденія относится *pozđignoti*. Формы, приводимыя Ф. Илешичем (Slovenica VII, Arch. f. sl. Ph. 22, 1900, стр. 498—499, сноска 1) из штирійскаго нарѣчія St. Georg: *māhnoti, zadřignoti* при *genōti* могут пониматься сходным образом. Однако при ограниченности приводимаго им матеріала трудно установить опредѣленную точку зрѣнія на отступающій тип *oglašnoti*. Его малочисленность отмѣчаетъ самъ Илешич. Вполнѣ твердые выводы встрѣчаютъ препятствіе въ возможности вліянія на инфинитив этого типа, съ одной стороны, форм презенса, съ другой, — инфинитивов других классов с краткостью. Резьянское нарѣчіе, насколько знаю, долготу в данном положеніи утратило: *sēdnut* — сѣсть (И. Бодуэн-де-Куртенэ, Опыт фонетики резьянских говоров, 1875 г., § 192).

Что касается чешскаго и польскаго расхожденія между формой инфинитива с рефлексом долготы и particip. praeter. (прошедш. вр.) с краткостью: чешск. *tisknouti, hynouti*, но *tisknul, -a, -o, tisknuv, -ši, -še, hynul, -a, -o, hynuv, -vši, -vše*, польск. *dzwignąć, ziębnać, dzwignęta, dzwignęło, ziębnęta, ziębnęło*, то, может быть, мы наблюдаем в них западно-славянское распредѣленіе в отдѣльных формах первоначальных количественных различій в зависимости от мѣста ударенія: ср. ч. *táhnouti* — *táhnul -a, -o*, п. *ciagnąć* — *ciagnęta*, русск. *шлянуть* — *шлянул* (ср. и каш.-словинцк. inf. *cīgnōće, praeter. f. s. cīgnā, neutr. s. cīgnano, plur. cīgnanī, cīgnanā*, с характерной замѣной *l* через *n*).

Формы particip. pass. ч. *tisknut, -a, -o*, п. *dzwignięty, -a, -o*, могли бы пониматься таким же образом, но есть основанія думать, что в них уже в праславянском произошло измѣненіе интонаціи.¹

Не было бы ничего неправдоподобнаго в предположеніи, что примѣры с краткостью в заударном суффиксѣ *-ica* — результат вліянія группы с удареніем на *i*, но думаю, что это не так. Каждая группа слов с акутированным гласным в суффиксѣ (resp. примѣтѣ основы), у которой исходным было удареніе начальнаго слога, представляет два типа: с переносом и сокращеніем — при начальном циркумфлектированном и кратком гласном и без переноса — при начальном акутированном; поэтому при всѣх суффиксах подобнаго рода легко предполагать вліяніе параллельной группы, обусловившей исчезно-

¹ См. слѣдующій этюд.

веніе заударной долготы; но такое предположеніе столкнуло бы нас с необходимостью допустить сплошь одинаковое направлєніе аналогіи в исключительно большом количествѣ случаев, — допущєніе, котораго сдѣлать не рѣшаюсь: ср. типы **dělāti*, **gāzīti*, **vidēti*, partic. praet. *dělālъ*, -а, -о, **gāzīlъ*, -а, -о, **vidēlъ*, -а, -о, instr. pl. *rŭbāmi*, *bābāmi*, при параллельных **kopāti*, **nosīti*, **sēdēti*. **kosāmi* и т. п.¹ Изолированно стоящія черногорскія *plākāla*, *rānīla*, *vidijela* (M. Rešetar, Betonung, § 13, стр. 33) Шахматов справедливо, на мой взгляд, рассматривает как аналогическія формы под влияніем *čēsāla*, *kōpālī* и под. (Очерк, § 159).² Аналогическою же слѣдует считать и долготу в заударных гласных инфинитивов: *gāzīt*, *kŭpīt*, *glēdāt*, *pādāt* в описанных Решетаром діалектах (Озрин., Прчань), вѣроятно, под влияніем praesens-a (Ibid. стр. 33), с чѣм в согласіи стоит отсутствіе ея только в озриницком *vidēt* (при *vidēt*).

Можно думать поэтому, что сохраненіе в праславянском заударнаго акутированнаго гласнаго ограничено только носовыми.

Параллельно группѣ с суффиксом *nq-* в рядѣ отдѣльных слов, гдѣ слѣдующій за акутированной долготой носовой был, вѣроятно, акутированным же (о судьбѣ циркумфлектированных заударных носовых см. ниже), славянскіе языки согласно показывают долготу, а словинскій, слѣдовательно, переход начальнаго ' в о: слов. *jāstreб*, g. s. *jāstreba* (при доленском *jāstreб*), *pāvok*, *pājok* (при *pājek*, g. s. *pājka*) *mēsec*, g. s. *mēseca* (при *mēsec*, g. s. *mēseca*), *tisoč* (при *tisoč*, *tisoča* и *tisoč*: послѣднее у Валявца Rad CXXI, стр. 174), *lēmēz* „1. d. Dachsparren... 2. d. Ruderstange, d. Ruderbaum der Flößer“, полаб. *lēmāz* (коренной гласный; может быть, из **ē* путем ассимиляціи слѣдующему слогу: угор. *lejmezje* Rad XLVI, 75 — = **lēmēzje*. Иначе Berneker, Etym. Wörterb. I, 701 стр.), *gāvez*, *gābez* „d. Beinwurz“; сербск. *jācīrujeb*, g. s. *jācīrujeba* (с новым вокализмом в суффиксѣ), *ūājuk*, -а, *mјѣсѣи*, -а,³ *lјѣмѣz*, -а, *gāvēz*, -а; чешск. *jastrāb*, *pavouk*, *měsíc*,

¹ В глаголах на *-ēti* мѣсто ударенія для большинства случаев нужно считать, однако, не стоящим в связи с законом Де-Соссюра-Фортунатова: ср. **dysāti*, **běžāti*, **sēdēti* съ рефлексаміи долгих монофтонгов в корневом слоге и, следовательно, с первоначальной акутированной интонаціей.

² С его толкованіем послѣдних я, однако, расхожусь, о чем в другом мѣстѣ.

³ Проклизи в видѣ *nā misēc* (Чак. Нови) и т. п. значенія свидѣтельства о начальном циркумфлексѣ не придаю: тип „*~*“ > „*~*“ в силу сокращенія в сербском в началѣ трехсложных слов рефлексов *~*, мог ассимилировать себѣ *mјѣсѣи* и под. — К этимологии ср. лит. *mėnų*, *mėnesis*.

tisíc, *lēmiz* (при *lēmēz*), *lēmiz*, (*havez*, как показывает *e*, а не *ē*, не является рефлексом *ē*; ср. и колебаніе ударенія при этом словѣ: р. *zavāz*, укр. *zāvaz* (E. Berneker, Etym. Wörterbuch); польск. *jastrzāb* g. s. ср. п. *jastrzāba* (Розвадовскій), *pajāk*, *miesiąc*, *tysiąc*.¹ К *mēsēcъ* (ср. O. Hujer, Sl. d. jm., § 38). Отступающіе случаи, вродѣ серб. (юго-зап.) *ūājcyha*, польск. g. s. *jastrzēbia*, слов. *tisoč*, отражают, может быть, отчасти влияніе параллельных слов с иным характером интонаціи (доленск. *jāstreб* может быть выведено из **jāstrēb*; ср. и моравск. діалект *jastrāb* у Бернекера Etym. W. 32 с., полаб. *jostrāb* — вариация **en* **en*) отчасти влияніе типа — ново-пол. *jastrzēbia* (ср. *gotāb* — *gotēbia*); в случаѣ с *ūājcyha*, часто употребляющемся при названіях чисел в gen. plur., можно думать об аналогіи отношеній распространеннаго типа gen. plur. *čāšūica*: nom. s. *čāšūica*. Не исключена также возможность, что при образованіи из **tysōtjъ* формы на *-ja* долгота была утрачена: ср. серб. *ūājprāū*, но *ūājpraha*; русск. *ūājuk*, *ūajukā* получили удареніе суффикса *-uk*, *-ukā* с родственным отбѣнком значенія.

Менѣе ясны отношенія в случаѣ с заимствованным из германскаго суффиксом **edzъ*: слов. *pēnez*, gen. *pēneza* (встрѣчается также gen. s. *penēza*), *vitez* (при угорском *vitēz*); серб. *ūājēzi f.*, *vūājēz*; чешск. *peniz* (с новым *e* вм. *ē*), но *vitēz* (с загадочной начальной долготой, вопреки общему закону чешскаго языка о сокращеніи начальных долгот под удареніем в многосложных словах),² польск. *pieniądze*. Чешск. *retēz* позволяло бы думать, что в случаях с кратким гласным корня был перенос на слѣдующій слог по закону Де-Соссюра-Фортунатова, с чѣм стоит в связи краткость рефлекса *ē*; польск. имѣет, однако, *wrzeciądz*, *-iądza*. Напротив, о циркумфлектированной интонаціи *ē* в этом суффиксѣ говорят слов. *knēz*, серб. *knēz*, чешск. *knēz*, пол. *ksiądz*, gen. s. *księdza*. Возможно, что в послѣднем случаѣ отражено праславянское измѣненіе интонаціи *ē* такого происхожденія в положеніи послѣ редуцированнаго: ср. слов. *dvhnŭtъ*, *mvknŭtъ* и под. (Rad CV, 64). На этом однако трудно настаивать, имѣя в виду, что такія формы отражают влияніе императива, гдѣ в dual. и plur. o. Если положиться на древность укр. *рѣшязь* м. р. род. *рѣшязя*, то болѣе

¹ В каш.— словинск. аналогическія образования: n. s. *jāstrŭb*, g. s. *jāstrŭba*; с другим суффиксом *pājk*, *zājk* (ср. словинск. *pājek*, g. s. *pājka*, *zājec*, g. s. *zājca*, иначе Lorentz, Slovinz. Gramm., § 39). Рефлекс краткости обнаруживает *tāsinc* = тысяча, вѣроятно, по аналогіи чисел: *dzievinc*, *dziesinc*.

² Кромѣ рефлексов третьей праславянской долготы.

вѣроятности приобрѣтает для этого суффикса циркумфлектированная интонація, м. б. сохранившаяся в виду того, что в заимствованных словах ее характер был нѣсколько иным сравнительно со старыми циркумфлектированными долготами. Сохраненіе в видѣ долгот только заударных носовых дѣлает понятным, почему С. М. Кульбакину (К исторіи и діалектологіи польскаго языка. Сборн. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. LXXIII, стр. 140—141) пришлось в существѣ ограничиться для даннаго положенія примѣрами Лорентца (Arch. XIX 158 сл.)¹

Для праславянскаго положенія „^ˆˆˆ“ наиболѣе ясными примѣрами являются praesentia *i*-класса: серб. *glādūsh, mīslūsh*, чешск. *hladīš, myslīš*, словинск. *čīniš, māslīš* и locat. plur. *o*-основ: чешск. *bratīch, časīch* (при параллельном окончаніи *-ech*), чак. *čāsth, brātīh*, словинск. *brācēχ* (с рефлексом долготы).

В соотвѣтствіи с заударной долготой в прочих славянских языках словинскій имѣет *o* в начальном слогѣ: *mīslīš glādīš*, loc. plur. *brātīh* (с аналогическим *i* вм. *e*). Но объ группы свидѣтельств, говорящих в пользу сохраненія заударной циркумфлектированной долготы в положеніи послѣ долготы акутированной, не являются однотипными. Наличие параллельнаго примѣрам *mrāzīš, gāzīš* типа с рефлексом третьей интонаціи: **moltīšb, *vořtīšb*, явившейся по закону Розвадовскаго об измѣненіи „^ˆˆˆ > ˆˆˆ“² заставляет думать, что заударная циркумфлектированная интонація в этой категоріи дѣйствительно сохранялась. Но сохраненіе ее может стоять в связи, с одной стороны, с вліяніем параллельнаго типа с конечной ударяемостью — серб. *rodūmo, rodūme*, словинск. *rodīm, rodīš, rodīmo* (ср. серб. *vūdūsh*, слов. *vīdiš*, словинц. *vjīdzīš*), с другой, с тѣм фактом, что *i* в этом классѣ восходит к **ēje*³ и могло быть болѣе долгим, чѣм рефлекс обычных дифтонгов с краткой первой частью.

В locat. plur. же *o*-основ (*brātīh*) вряд ли сохраненіе долготы фонетическое: в формѣ этой можно подозрѣвать вліяніе параллельнаго

¹ Я. Розвадовскій (Enc. Polska II, Dział III (część II) 316—317) думает, что долгота в данном положеніи выступает „w jakichś warunkach w zgłosce zamkniętej trzechgłoskowych wyrazów, przyczem drugi składnik połączony dyftongicznych e, or itd. liczy się za spółgłoskę.“

² Encyklopedya Polska II, Dział III (część I), Historyczna fonetyka polska § 18. Об объемѣ и хронологіи закона см. также ниже не во всем в согласіи с Розвадовским.

³ P. Diels, Archiv f. slav. Phil. XXXI. 88 слѣд. — А. Breznik, Archiv f. slav. Phil. XXXII, 432. — Г. Ильинскій, Праславянская грамматика 289 и др.

типа с конечным удареніем: ср. словинск. *-ēh* из **ēchb : psēh* и т. п., чак. *brēstīh*¹ и т. п., и это тѣм болѣе вѣроятно, что в парадигмѣ с циркумфлектированным подударным гласным не появляются в словинском рефлексы третьей интонаціи, которая ожидалась бы если бы отношенія были параллельны глаголам на *-iti*. Ср. резьянское *toč žlebīch* и под. (Опытъ § 184). На первый взгляд можно было бы слѣд сохраненія заударной циркумфлектированной долготы видѣть в словинск. *pāzuha, pāzduha* „d. Achselhöhle“ (Pleteršnik), как это дѣлает J. Миккола (Urslavische Grammatik 1913, s. 137), но это слово употребляется почти исключительно в твор. пад. — *pod pāzduho* и отражает вліяніе долготы из стяженія во флексіи (ср. у Р. Брандта, Начертаніе славянской акцентологіи 270 стр. — *pāzuha*),² в сербском же *ūāzuxo, ūāzuo*,³ *ūāzu* у Караджича, как показывает прчаньское *pažūgo* (Rešetar, Betonung, s. 34), *u* из *ū* с сокращеніем перед слѣдующим за выпавшим *x* гласным, как в случаях вродѣ *stīrāxa* (слов. *strāh*), *ūxo, ūo* (слов. *uhō*). Я думаю именно, что сербскій, в отличіе от словинскаго, сохранил заударныя циркумфлектированныя долготы всякаго происхожденія, если оставить в сторонѣ вторичныя сокращенія вродѣ *gāvranovi : gāvran, vīšezovi : vīšez, mjēsečina : mjēseč* и вообще четырехсложныя *dēsēšero, dēvēšero* и т. п.

Наиболѣе ясный в этом отношеніи случай отраженія циркумфлектированной долготы — праслов. **pāmēty*. По всей вѣроятности, слово **pāmēty* в праславянском представляло довольно уединенно стоящее образование — оно имѣло старую акутированную долготу на *pa-*, как образования и других основ с этим префиксом (акутированная интонація соотвѣтствовала происхожденію *a* из индоевропейскаго монофтонга: ср. лит. *pó-*) и циркумфлектированную заударную интонацію, как подавляющее большинство основ на *-i* (к вокализму ср. лит. *menū, miñti*) и в нем как раз в словинском слѣдов заударной долготы мы не находим.

В сербском же *ūāmēū*.⁴ Другія префиксальныя образования

¹ О чак. ф. loc. pl. *vlāsīh* см. Белич 38: „*vlāsīh* въ мѣст. пад. получено изъ род.“ Ср. *brodīh* под вл. *koñīh*, *Ibd.*

² Также „*govori se največ : pažha*“ (Pleteršnik).

³ Смѣна рода подтверждает вліяніе твор. пад. в этом словѣ, предположенное для словинскаго: под *ūāzuxdm*.

⁴ В Новом *za mojē pāmeli* А. Белич (отт. стр. 50) считает аналогіей к *-ōst : osti*. Хотя такое же отношеніе повторяется в посавском (S. Ivšić 196, 180; 197, 27) не рискую предполагать его для словинской древности и подрывать значеніе слов. *pāmet*, как свидѣтельства сокращенія циркумфлектированных долгот.

i-основ¹ выступают в словинском в типѣ: *zavist*, *zabit*, *zadēv* и под., что ведет нас к первоначальным праславянским **zabŷtŷ* > **zābŷtŷ* и т. п.: ср. перенос ударения на акутированное **t* в loc. sing. в сербском. *Памѣи* и под. ассимилировались этому типу. Если словинское *klādivo* „молот“ — по мѣсту ударения старое образование (болг. *кладиво* — у Мичатка), то в нем можно видѣть параллель к фонетической судьбѣ словинскаго *pāmet*. О сокращении же заударной долготы говорит, вѣроятно, *mlēzivo* (Soška dol.) = укр. *молѣзиво*. Как показывает сочетание с предлогом в сербском, данное для *кѣльво* „gekochter Weizen, der bei dem Todtenmale . . . und am Patrontage . . . vom Priester gesegnet, und von Gästen verkostet wird“ (Караджич у Даничича (Akcenti u imenica i pridjeva. Drugo izdanje. Zagreb 1913, 65) — *nā kofivo*,² ударение на начальном слогѣ старое, не перенесенное со срединнаго слога. Поэтому словинск. *predivo*, *gradivo*, которым фонетически должны были бы соответствовать в первом случаѣ, с исходной акутированной интонацией, **prēdivo* из **prēdŷvo*, во втором, с циркумфлектированной, *grādivo* из **gořdŷvo* > **gořdŷvo*, представляют, скорѣе всего, продукт аналогии к *pecivo*, *pletivo* с начальным кратким гласным (сербск. *пѣциво*, *плѣциво*). Сербск. *jesŷŷiva*, *sješŷŷiva* (plur. tant.) не говорят рѣшительно в пользу исходнаго **ivo* : **ivā*, так как конечное ударение в plur. neutr. могло быть получено и нефонетически.³ Довольно ясным примѣром различія судьбы заударной циркумфлектированной инто-

¹ Оставляя в сторонѣ рѣдких представителей типа с акутированным гласным корня: *nāpast* из **nāpāst* (серб. *напаст*, русск. *напаст*) и угорск. и штирийск. формы с характерным для этих диалектов обобщением подударной долготы в префиксѣ: *nāroč* и под. (Ср. и чешск.)

² Это хотя и заимствованное, слово (гр. *κόλλυβον*) вряд-ли могло получить ударение предлога, отличное от всего типа.

³ В чакавск. говорѣ Нового, вопреки общей чертѣ говора о которой А. И. Белич говорит (Изв. Отд. русск. яз. и слов. И. Ак. Н. 1909 г., кн. 2, отд. стр. 25): „Долгота въ слогахъ за ударениемъ сохраняется въ этомъ говорѣ такъ-же хорошо, какъ и въ штокавскихъ говорахъ . . . Цѣлое это изслѣдование представляетъ полное подтверждение этого положенія . . .“ — *prēdivo*, *plētivo*. Причина утраты долготы в данном случаѣ мнѣ неясна. Надо замѣтить однако, говоря о суффиксѣ *-(j)ivo*, что не было бы смѣлымъ предположеніе параллельнаго варианта с акутированной интонацией: ср. р. *ognivo*, болг. *огнѣво*, словинц. *viŷgnivo* (с фонетическим переносом ударения с рефлекса **t* акутированнаго); словинск. *ognjivo* может отражать влияние типа с выдвигкой.

нации в словинском и сербском является также праслав. **olbŷdŷ*: словинск. *labod* m. g. (Rad CXXXII, 136; у Плетершника *labŷd*): серб. *lābŷd* m. g.¹ и ее же, повидимому, иллюстрирует словинск. *jāblan* f. g., серб. *jāblān* m. g. — прежде „яблоня“, теперь „*populus pyramidalis*“: праслав. **ābolŷnŷ*. Далѣе сл. *sŷmtrak*: сербск. *сѷмтрак* — праслав. **sŷmořkŷ* (к интонации префикса ср. лит. *sā-*).

К этому типу можно относить еще, впрочем, не без серьезнаго сомнѣнія, слов. *prāprat* f. (обычно *prāprot* f.), сербск. *пāпpаpи* f., русск. *пāпpоpи*, -и и вост.-лит. *papartŷs* (Дусяты — К. К. Буга устно); иной интонации и мѣсту соответствует серб. *пāпpапшкa*, *пāпpаднѷк* (лит. *papartis*). Отношенія, свидѣтельствуемыя словинским для стараго положенія „^ˆˆˆ“, повторяются в западныхъ языках: чешск. *pamēt'*, *klādivo*, *labud'* (но f. g.), др. — чешск. *jablan*, *soumtrak* (с долготой в префиксѣ под влияніемъ типа), *paprat* m. g., пол. *pamięc*, *łabędź*, -ia, словинцк. *pāmięc*, *pāprot*.² Рефлекс „^ˆˆˆ“ с заударной долготой из стяженія, дающій о себѣ знать в параллельномъ типѣ с циркумфлектированной долготой появленіемъ третьей интонации, сохраняется во всѣхъ славянскихъ языкахъ, знающихъ различеніе количества.

Кромѣ глаголовъ с примѣтой -i-, об этомъ говорятъ еще, думаю, формы partic. praet. pass. глаголовъ на -ati : -je- : -aje- с хорошо засвидѣтельствованной заударной долготой — чак. *vězān*, *pīsān*, шток. *vězān*, *pīsān*, словин. *stŷpan*, *vězān*, *pīsān*, чешск. *stoupān*, *vāzān*, *pīsān* при параллельныхъ в случаяхъ с начальнымъ акутированнымъ удареніемъ: чак. *vārān*, *vřtān*, шток. *māzān*, *dělān*, слов. *māzān*, *dělān*, чешск. *mazān*, *dělān* -ānŷ, -āna, -āno в этихъ формахъ восходитъ, вѣроятно, к *ā* + -ienŷ,³ и долгота в немъ, какъ происшедшая из стяженія, сохранилась. Стяженіе это произошло до эпохи дѣйствія закона Де-Соссюра-Фортунатова,⁴ т. е. **vězāienŷ* > **vězānŷ* : **vězāti* позже дало **vězāti*.⁵

Если выдвинутыя соображенія вѣрны, то префиксальныя образования ā-основ, не сохранившія в сербскомъ заударныхъ долготъ,

¹ О рефлексѣ праслав. *ŷ* см. выше.

² В польскихъ *powrŷt*, *kořowrŷt*, какъ и *zawrŷt*, *nawrŷt* (сейчасъ у насъ можетъ рѣчь идти лишь о послѣднихъ), вопреки Н. Ван-Вейку (Archiv f. sl. Phil. XXXVI, 355 ff) -ŷ-, скорѣе всего, из *wrŷcię*: ср. словинцк. *kuŷlovārt*, но *puŷvŷrt*, *zāpvŷrt*.

³ Ср. и S. Ivšić, Prilog za slavenski akcentat. Rad CLXXXVII 1911 г., стр. 165—166.

⁴ Балтійско-славянскимъ его не считаю. Ср. и Ван-Вейк, Rocznik Slaw. VII, 158.

⁵ О явленіяхъ в случаяхъ с краткимъ корнемъ особо. О словинскихъ part. praet. pass. на -ān и чак. f. s. *skopānā* в другомъ этюдѣ.

нужно считать для случаев с циркумфлектированными корнями утратившими циркумфлектированную интонацию под влиянием аналогии акутированных.¹

Слѣд бывшего такого типа оставлен в рефлексх, повидимому, третьей интонации долгот на префиксах (об этом в особом этюдѣ).

Продуктом особой жизни словинского языка может быть изменение „>“ перед долготой из стяжения в глаголах праслав. типа *dělati: dělajo*. Но не исключенной представляется мнѣ также возможность (варьирую мысль Розвадовскаго Enc. Polska, op. cit. § 19), что, если группа **aje* была за ударением, то послѣ эпохи дѣйствія закона Де-Соссюра, но до сокращения долгот монофтонгов происходило изменение „>“ в новую циркумфлектированную интонацию, сохранившуюся на мѣстѣ своего образования. Такое предположение как-будто подтверждает загадочное изменение „>“ в словинском в praeter. act. f. sing. *hvalila, vezala* и т. п. (M. Valjavec. Rad CXXXII, 156—157), отчетливый слѣд котораго J. Микколой (Urslavische Grammatik § 121) указан и в словинском.

Его можно было бы объяснить из сочетанія с энклитическим *je* — **chodilā je > chodilā je*.²

Особо слѣдует оговорить ряд случаев перехода „>“, понятых М. Валявцем (Rad CXXXII, стр. 153 и слѣд.), как результат влияния на предшествующій слог былой восходящей интонации. Мысль его мнѣ представляется вѣрной примѣнительно к тѣм группам, гдѣ можно предполагать нефонетическое проникновение долготы, но наряду с восходящей такое же влияние принадлежало и долготам иного происхождения.

Акутированная интонация праславянскаго **itjь* ясна из сербских отношений — *brāiuh: brāi*, но *brjс: brjсuh* (закон Де-Соссюра-Фортунатова) и балтійских-литовск. *sūnūtis* — сынок, латышск. *cālitis* „дыпленок“ и т. п.

Ее же мы имѣем в суффиксѣ **arjь*, при котором отношения параллельны: *rūbār: rūba* при *drūgār: drūg*, хотя отступления болѣе многочисленны.³

¹ Ср. I. Rozwadowski. Historyczna fonetyka... § 17, болѣе опредѣленно в Roczn. sl. V, 46 и А. А. Шахматовъ, Очеркъ... § 160.

² Подробнѣе в слѣдующем этюдѣ.

³ См. A. Leskien, Untersuchungen über Quantität und Betonung in den slav. Spr., I. Abhandl. d. philol.-hist. Cl. d. k. Sächsisch. Gesellsch. d. Wissensch. B. X. S. 87, ff.

Поэтому в заударном положеніи ожидается только краткость (см. выше) и, значит, словинскія **kravar*, **bratič*, **kravara*, **bratiča* и т. п. Но там, гдѣ параллельно с ударяемым на корнѣ, выступал тип с ударением на флексии и, слѣдовательно, с долготой суффиксальнаго гласнаго, как в сербских *věselik, -ika, bórnik, -ika, slādun, -jna, slādun, -jna, bjěluj, -jga* при словинск. *belug, krūlāsh, -a, brazdāsh, -āsha, dkolūsh, -ūsha* при *mālūsh, -ūsha*, долгота в различныя эпохи, отчасти, может быть, уже в прасловянскую, могла возстанавливаться или сохраняться и в суффиксѣ заударном. Такое именно положеніе мы имѣем при суффиксѣ **arjь*: ср. сербск. *жушār, -āra, сūшār, -āra*, при *vrāшār, -āra, zlāшār, -āra* — слов. *čuvār, režār: kravar, rībar* и под. Ср. с этим отсутствіе перехода „>“ в таких суффиксах, не имѣющих параллелей с ударением на концѣ, как *-ast*: словинск. *bābast, -a, -o, bikast, -a, -o, -av: bolēhav, -a, -o, krūljav, -a, -o*, чак. *krūljav* (Rad CXXXII, стр. 136), *kūštrav, -a, -o*, серб. *кјушарав, -an (-a): brātranka* и др.

При суффиксѣ **itjь* факты не столь ясны, как при **arjь*: в серб. *brāiuh, -a, бржуш, -a, брjсuh, -a*, при немногочисленном типѣ *mlādūh, -ūha*; в краинском обычно *-ič* и только в одном словѣ *hudič -ič < *ičь* но в *-ič* штирійских и угорских говоров можно видѣть свидѣтельство былой наличности болѣе многочисленных представителей типа с ударением на концѣ и, стало-быть, с предшествующей ему долготой (ср. и серб. говор, описанный Стояновичем в Arch. f. sl. Phil. XXV).

Наиболѣе трудным является объясненіе суффикса **inь* в прилагательных: *bābin, -a, -o, māterin, krāvin* и др., к которому М. Валявец (Rad CXXXII, 154 стр.) тоже принимает параллель **inь*, ничѣм ее в этом случаѣ не обосновывая. Ни сербскій (*krāvin, -a, -o, bābin, -a, -o, сесѣрин, -a, -o, жѣнин, -a, -o*) ни чешскій (*mateřin, -a, -o, ženin, -a, -o*) этой догадки не поддерживают. Что же касается словинских *bābjin, -bjinī, -nā, -nē, matčin, -čīnī, -nā, -nē* и т. п., то в них долгота поддерживалась формой на *in* с закрывающим слог сонорным. Может быть, перед нами слѣд исчезнувшаго типа производных с суффиксом, ударяемым на концѣ, параллельнаго славонским *ženin, ženina (= ženinā)* у Берлича,² дубр. *gōspin, gospina, gospino* и русск. *Лукѣн, -ина*³ с долготой под влияніем *in* в существительных или по

¹ При нем, впрочем, часто удерживается вообще удареніе основного слова: *cvēstast, brēgast* и под.

² S. Ivšič, Rad CXCIV, 120, CXCVI, 48.

³ Послѣднее сопоставленіе у M. Rešetar'a, Betonung, s. 119.

аналогии большинства суффиксов ударяемых на концѣ (ср. чешск. *kravín, -a* — коровник, *civín, -a*, ротозѣй). Слѣдует учесть также и возможность влияния итальянскаго суффикса прилагательных *-ino*: *bovino* — бычачій, *vaccino*, коровій и т. п. Группы Валявца (Rad CXXXII, 154) можно дополнить еще угорск. *piliš* — питье, *jēliš* пища; сербск. *slajkūš*, gen. s. *slajkūša* ‚Leckerbissen‘; *māliuš*, *malūša*, *siārūš*, *siārūša*: ср. *tovāriš*; *kāmik* — чешск. *kamýk*, ср. и тип на *-ik* в словинском; *pēstinja*, *pēstunja*, *pēstuha*: *pestin*, *pestun*, суффикс *-uh*; *gāvran*, *kāvran*: серб. *gāvran*, чакавск. и кайк. *kāvran*: *vran*; у Р. Брандта (Начертание славянскои акцентологии, стр. 267) — *gāvran*, исходная фонетическая форма; у Мурка. (Slov.-deutsch, Wörterbuch) — *kavrán* = *kavrān* — иное отражение влияния *vran*; *nēčij*, *nēhaj* и под. *čij*, *kaj* (interr.), но ср. *nēkaj*, *nēkak* и под.

Сходным образом можно понимать и резьянск. gerundium *dilajozh* (Uzhilo 300): ср. краинск. *mogōč*, *pekōč*, чешск. *-ouc*, пол. *-ac* и под. хотя удлинение коренного гласнаго ожидается и по правилу о сохранении заударных акутированных носовых. Двойное объяснение допускают также случаи вродѣ *tisoč* при *tisōč* из **tisōč*.

Примѣры *drēmavt*, *lēzavt*, *kīhavt* и под. заставляють предполагать долготу в заимствованном из германскаго *olt* (Rad XLV, 116) суффиксѣ *avt*. Тип *goričan* и под. (Rad XLV) обнаруживает рефлекс заударной долготы, известной в plural. из сербскаго: *mješhāni*: *mješhāni* (под старым ударением и в этом случаѣ краткость: *кришани*). Сохранение заударной долготы, по происхождению акутированной, в данной категории я ставлю в связь с особенностями стараго склонения pluralis этих имен:¹ словинск. g. pl. *Goričan*, dat. pl. *Goričam*, abl. pl. *Goričami*, loc. pl. *Goričah*; о др. сербских параллельных фактах и их истолковании из *-an-mъ*, *an-mi*, *an-chъ* см. С. М. Кульбакинъ, Сербскій языкъ. Изд. 2ое 1917 г., стр. 65.

Форма *lētos* при *lēto* (резьянск. *litos* — Опыт, § 196, *litus* Christ. Uzh. 407) указывает на удлинение заударных краткостей в закрытых слогах в словинском подобно сербскому.

Хотя такую мысль и поддерживает ряд форм вродѣ *praes. māžem*, *māžeš*, *šijem*, *šiješ* и под., part. pass. *grīzen*, *jēden*, существ. с суффиксом *-ež*: *mādež*, *grābež*, *-es* — *čūdes*, *-ej* — *dēdej*, *brātej* и др., но она встрѣчает и значительныя затруднения: abl. s. и dat. pl. *brātom*, *gādom*, формы вродѣ *māter* (при *māternica*), *kāmen*, и может быть проведена при допущении очень большого числа аналогических

¹ Иначе А. Leskien, Grammatik der serbo-kroatischen Sprache 1914. s. 161—162.

образований. Ограничиваюсь поэтому предположением удлинения только для случая с конечным редуцировавшимся гласным (*-se > -sv*). Интересно, что в угорском нарѣчии *Vashidegkut*, описанном А. Павелом (ср. Roczn. Sl. III, 184 с.), находим в соответствии первому моему предположению *z brātom* при *brāt* (*brāt*, повидимому, — опечатка: „hoch-interessant ist der Quantitätswechsel in Fällen wie *rām . . . : v rāmi, brāt* (sic): *z brātom*“).

Не отражают принятых до сих пор положений нѣсколько категорий фактов. Мнѣ кажется, однако что они находят свое объяснение.

Суффикс *ina*. Указание на заударную долготу в нем можно видѣть в словинск. *islina*, *slātina*, *sēčina*, *pāječina*, *ritina* и группѣ слов, обозначающих мясо животных: *telētina*, *govēdina* и т. п., ср. и *človēčina* — человѣческое мясо. В других — *gādina*, *brātrina* и т. п.

Образования с этим суффиксом имѣют в славянских языках различное мѣсто ударения в зависимости, с одной стороны, от семасиологических оснований, с другой от фонетических. В русском языкѣ колебание между *инā* и *ина* связано с различием отвлеченнаго и конкретнаго значенія: *шишинā*, *быстринā*, *ширинā*: *дубина*, *вершинā*, *десятинā*, *малина*, *рябина*. Имѣющія накоренное ударение сплошь **concreta* (отстывает *исшина*).

Близкія к этим отношенія повторяются в болгарском, сербском и словинском. В словинском образования от циркумфлектированных корней переносят ударение на *i*: *grād* — *gradina*, *drūg* — *družina*, акутированные сохраняють накоренное ударение или колеблются: *kalina* и *kālina*, *malina* и *mālina*, *maslina* и *māslina*, что наблюдается в общем и в сербском: *брѣжина*: *брѣг*, *вѣчина*: *вѣк*, но *грāшина*: *грāх*, *сѣтѣина*: *сѣтѣа* при *брдина*: *брдо* и под.¹

В этих отношеніях мы имѣем указание на то, что суффикс *-ina* в *barytona* имѣл *i* акутированное.²

Суффикс *ina* с ударением на концѣ обнаруживает отношенія, которыя позволяют подозрѣвать иное его происхождение сравнительно с первым: сербск. *чиштина*: *чишину*, *дужина*: *дужину*.³ Сравн.

¹ Ср. А. Leskien, Untersuchungen . . . Abhandl. . . X. S. 100 ff.

² Иначе в родственном литовском *gnė*, в котором неясно долгая монофтонга: *akmenynė*, *karklynė* (из Куршата Gram. d. lit. Spr.). Ср. и тип *giltinė*, жем. *giltinė*, *giminė*. Словинск. *novina*, *starina* (Rad 43, 49) вряд ли первоначально: ср. *starin* „der Alte“.

³ К этому типу у Павича (Rad LIX, стр. 13) относятся еще: *brzina*, *daljina*, *dubina*, *ledina* (при *ledina*), *planina*, *ravnina*, *rudina*, *širina*, *živina* (*krivina*, *tazbina*).

и явления проклизы: *ŷ дубину* и под. Они могут подать мысль об исходном **inā*, откуда, с одной стороны, *inā (inā)*, с другой, в винительном падежѣ (**-inǫ*) — перенос ~ на предшествующий слог. Я склонен, однако, скорѣе думать, так как в сербском циркумфлексированный слог, с котораго ударение перенесено на предшествующий, сохраняет старую долготу, а в данном случаѣ выступает краткость, что имѣющаяся в сербском отношенія в удареніи падежей или продукт аналогіи суффикса *-otā* и, может быть, других слов с кратким гласным перед *a* флексіи: ср. у Решетара (Betonung, S. 97, ff.): *sramōta — srāmotu, strahōta — strāhotu, pelēna — pēlenu* и др., аналогіи, которой подверглось исконное **inā*, или результат осмысленія (перераспределенія) колебанія ударенія между окончаніем и корнем, что менѣе вѣроятно.

Но если бы даже и можно было допустить первоначальное *-ina*, разбираемые словинскіе примѣры — отнюдь не свидѣтельство сохраненія заударной циркумфлексированной долготы. В согласіи со всѣм сказанным выше можно было бы скорѣе думать о проникновеніи долготы именительнаго падежа **inā*,¹ но прибѣгать и к такому предположенію не вижу надобности: *istina*, вѣроятно, отражает вліяніе соотвѣстнаго прилагательнаго *isti* „ebenderselbe,“

¹ Взаимное вліяніе суффиксов **ina* и **inā* имѣло мѣсто, вѣроятно, в сербском: его отражают штокавскія контаминаціонныя формы на *-ina*: *bjelina, bisupina, jlanina*. Может быть, это имѣло мѣсто и в чешск.: *hlubina, vjšina*. Ср. и прчанское *bāština* (Rešetar, Betonung, S. 34). В чакавском (Нови) *črnina, daljina* с рефлексом праславянской третьей интонаціи (Изв. Ак. Н. 1909 г., кн. 3, стр. 225) и наряду с ними *inā* и *ina*. Решетар (Arch. f. slav. Phil. XXXVI, 545), если вѣрно его понимаю („Ich weiß nicht, in welchem čakav. Dialekte Betonungen wie *brzina, dubina* vorkommen — у Лескина, однако, в мѣстѣ, о котором идет рѣчь (Grammatik 170 s.) нейтральный относительно интонаціи знак долготы (сравни S. XLIII) — vielleicht in einem solchen, der den langsteigenden Akzent nicht hat, dann stände *brzina* für *brzina* und dieses, wie vielfach schon auch in čakav. Mundarten, für *brzinā* > *brzina*, so daß die Sache dann sehr einfach wäre“), формы типа *-ina* склонен толковать, как восходящая к *inā*, но для Новаго, в отличіе от чакавских говоров, описанных у Неманича, перенос на предшествующій слог сомнителен, так как в других грамматических категоріях он не наблюдается. Может быть, поэтому их правильнѣе было бы объяснять тоже как контаминаціонныя, возвращаясь таким образом к старой мысли А. Белича (Zbornik u slavu V. Jagića), что могло являться в чакавском в случаях, гдѣ предударная долгота нефонетически вытѣсняла краткость.

pāječina — pājek, slātina и *sēčina* соотвѣстных *i*-основ, от которых произведены: ср. чешск. *slat'* при *slatina*, словинск. *sēč* при *sēčina*; а группа слов, обозначающих мясо — ном. plur. *telēta, govēda* и т. п. Ср. и *mladētina* „junge Brut“. По аналогіи с ними и *človēčina*. На интонацію „*mrzlētina*“ — „sladoled, Gefrorenes, Mur., С.“ (Pleteršnik) повліяли слова с окончаніем на *-ētina*. Особняком стоит *kūretina* = „d. Federvieh, d. Geflügel, d. Hühnerfleisch“. У Р. Брандта (Начертаніе 293 с.) при *gosētina* и т. п. — *govēdina*. Близость к литовскому суффиксу *iēnā* (по орфографіи Куршата Grammatik, § 289): *jautiēnā* — бычачье мясо, *ožiēnā* „козлятина“, *žasiēnā* „гусятина“¹ и т. п. вряд ли говорит в пользу первоначальнаго *-inā* для славянских языков. Сходство литовских форм, ставших существительными из прилагательных: *jautiēnā (miesà)*, (Kurschat. Ibd.) со славянскими основано только на отдаленной родственности суффикса.

Тип ном. s. *-*ē*, gen. s. *-ēte*. В словинском он представлен для акутированных начальных долгот бѣдно: ср. у Плетершника: „*jarē, éta . . . jare, tako govore vsi goriški gorjani; besedo „jagnje“ znajo le iz cerkve*“; при циркумфлексированных колебаніе мѣста ударенія: ном. s. *prasē*, gen. s. *prasēta* и *prasē, prasēta*, также *žrēbē, žrēbeta* и *žrēbē, žrēbeta* и др. (Rad CXXXII, 198). В сербском *jāgne, jāgneša, jāre, jāreša*, но *ipāce, ipāceša, jdrpjebe, jdrpbeša*; так и в чак. (Нови) *prāse, prāseta, ždrībe, ždrībeta*.

Сербская форма *ipāce* по происхожденію аналогическая: ср. на *ipase*. Праславянскія отношенія представляю себѣ в согласіи с О. Гуйером (Slovanská deklinace jmenná, § 48). Исходное положеніе — **pořē, *pořēte*. Измѣненія „*~*“ в „*^*“ не произошло в ном. sing., как и в других случаях с конечными циркумфлексированными носовыми: accus. s. **bořdǫ*, ном. pl. **bořdǫ* с *ŷ* из *y* носового и др. (Может быть, и в ном. pl. в положеніи „*~*“.) По аналогіи ном. sing. „*~*“ сохранилось и в других формах. Позже, когда *ē* ном. s., под вліяніем типа **imē*, получило акутированную интонацію, явилось **pořē*.

В сербском рефлекс заударной циркумфлексированной долготы вытѣснен отчасти вліяніем форм с удареніем на суффиксѣ, отчасти ном. s., а может быть, долгота терялась и в нем до эпохи сокращенія начальных *o* в положеніи „*^*“.²

¹ В „литовско-русском словарчикѣ“ К. К. Буги (С. Петербургъ 1912 г.) *žasiēna*.

² Западно-славянскій тип чешск. *telátko, jehňátko*, пол. *cielátko, jagniątko* не позволяет установить интонаціи заударнаго **ē*, так как,

Мнимый слѣд заударных долгот представляют префиксальные образования *nādeja*, *prēvita* (Škrabec, Св. „Dodatki in popravki“ к словарю Плетершника), при *prēvita* „d. Wiede (aus Zweigen gemacht)“ и *prevta* „aus jungen Ästen geflochtener Zauring“. Измѣненіе интонаціи стоит в них в связи с сокращением заударного слога. В *nādeja* измѣненіе **nā* — в *nā* — могло бы быть и праславянским в результатѣ сокращенія *ē* перед *ja* (*ja*), (на старое начальное удареніе указывает, повидимому, чешск. *naděje* при *nādeje*, отражающем вліяніе типа), но параллельное *nāda*, *nādjati se* при *nādejati se* позволяют предполагать и другія возможности. *Prēvita*, вѣроятно, имѣет интонацію *prevta* с діалектическим исчезновением *i* > *ь* (послѣ сонорнаго?). Так, м. б. объясняются *hītrica*, *bītrica*, *mřzlica*, если в них *o* не из членных прилагательных, *sūlica* и т. п. Сходным образом я склонен понимать и *prīlika* при *prīlika*. Первое, вѣроятно, діалектический вариант.

В *zādr̥ga*, *sōdr̥ga* (доленск.) предполагаю діалектическое отсутствіе переноса *o* на *r*: ср. *zadr̥ga*, *sōdr̥ga*. Интонація *sō-*, может быть, и *zā*, *nā*- продукт крайнскаго обобщенія.

Jarēb. В случаѣ с заударным акутированным носовым ожидалось бы **jāreb*, с циркумфлектированным **jāreb*. Если довѣрять извѣстному мнѣ из Etymol. Wörterb. Э. Бернекера словацкому *jarab* „Haselhuhn“ (из какого діалекта?), можно было бы думать о первоначальном **ērēbь*, откуда праславянское же **ērēbь*. Чешское *jeřáb* „журавль“ (ср. и словацк. *jaráb* „журавль“ у Мичатка) слѣдовало бы тогда считать вмѣстѣ с Бернекером подвергшимся вліянію *žerāv* (серб. *жѣрāv*), слова, впрочем, что касается интонаціи, тоже темнаго.

Нельзя также упускать из виду варианта *jerēb* с начальной краткостью в крайнском и резьянск. *jērop*.

3.

Перехожу к измѣненіям „*'* > *o*“ перед долготой в конечном гласном флексіи. Типы *krāva*, *jāgoda* обнаруживают измѣненія интонаціи в instr. sing. — *krāvo*, *jāgodo*, резьянск. *tā po strīho* (*i* рефлекс *ē* с циркумфлектированной или третьей интонаціей долгот): имен. *stroēha* во первых, может быть аналогическим к именам мужскаго рода на *-ькь* с предположительно сплошь почти обобщившимся конечным удареніем и долготой перед ним, а во вторых, перед редуцированными в срединных слогах в западно-славянских языках выступают в видѣ долготы и рефлексы циркумфлектированных долгот: чешск. *desítka*, пол. *dziesiątka*. — Иначе Я. Розвадовскій. Opus. cit. §§ 16, 25.

(серб. *сѣрѣха*), перед долготой из стяженія: *krāvo* из **krāvojo*, *jāgodo* из **jāgodojo* (Rad CXXXII, 157—158) и в gen. pl. *krāv*, *jāgod*, *lāstavic*, рез. *bār* — баб, *rīp* — рѣп (И. Бодуэн-де-Куртенэ, Опыт . . . § 200).

В послѣднем случаѣ измѣненіе может быть оспариваемо, как специально словинское: при nom. plur. *krāve* — genet. plur. в Новом *krāv*, чешск. *kráva* : *krav*. Как бы ни рѣшать вопрос о сербском *ā* в genet. plur., серьезныя вѣроятности говорят, что особыя измѣненія genet. plur. в рядѣ славянских языков связаны с долготой окончанія *-ъ*: опредѣленный факт такого *ъ* мы имѣем в нѣкоторых черногорских говорах,¹ и это позволяет, не рѣшая вопроса о том, откуда редуцированный мог в праславянском или обще-южно-славянском² получить вторичную долготу, считаться с такой возможностью. Привлекая формы вродѣ gen. plur. *sljá*, *stezá*, мы можем говорить с большой вѣроятностью, что отпаденіе **ъ* в словинском — явленіе относительно позднее и, может быть, болѣе позднее, чѣм начало дѣйствія закона о „*'* > *o*“ перед долготами, охватившаго всѣ словинскіе говоры.

Измѣненіе *lopāt*, *lisic* (имен. ед. *lopāta*, *lisica*) параллельно чакавск. *livād* и под.: не возвожу его, как Шахматов (Очеркъ, § 174), к **lōpat*, **līsic*, так как в резьянском, не знающем выдвиги, то же мѣсто ударенія: *dusíz*³ (*dušic*) = крайнск. *dušic*.

Из литературы сравн. особенно I. Rozwadowski, Hist. fonet. . . §§ 21 и 24. Считаю нужным рѣзче, чѣм он, подчеркнуть необходимость допущенія долготы конечных *ъ* в этой категоріи: кромѣ nom. sing. в *o*-основах, которые могут толковаться как формы, уподобившіяся остальным, отсутствіе измѣненія акутированной интонаціи перед отпавшими редуцированными доказывают словинскіе супины: ср. рожневск. *b`t* = ст.-слов. *биѹъ*, *bīt* = брить, *īt* = крыть, *pāt* = пѣтъ, *mlāt* = млѣтъ, при *brāt*, *spāt* и др.

(I. Scheinigg. *Obraz rožanskega razrečja na Koroškem*. „Kres“ 1882, 478). Сходныя отношенія — в описанном Ф. Илешичем штирийском нарѣчьи St. Georg (Arch. f. sl. Ph. XXII, 494) и сл. О них трак-

¹ Может быть, и в Киевском Миссалѣ. Иначе А. Leskien, *Handbuch d. altbulgarischen . . . Sprache*. Fünfte Auflage 1910, § 9, Anmerkung.

² Свообразныя явленія в genet. plur. извѣстны и болгарскому — *сѣбѣинъ*, *хилъдъ* и под. при *сѣбѣина*, *хилъда* (ср. шток. *лѣйаша* и под.).

³ Матеріалы для южнослав. діалектологии и этнографіи, собр. и изд. И. А. Бодуэном-де-Куртенэ. III. Резьянск. памятник „Christjanske Uzhilo“ 1913 г., 173, 519.

тует упоминаемая Илещичем статья Шкрабца, мнѣ недоступная. В крайнем в односложных обобщилась циркумфлектированная интонация (ср. Rad CXXXII, 207), за одним отступлением — *srāt* (Rad CV, 99); ср. и литер. *prosit, ravnāt*¹ и под.

В соответствии серб. gen. sing. *krāvē*, чак. *krāvē*, слов. *zemljē* ожидалось бы словинское **krāve*. Этого, однако, нѣт. Приходится поэтому думать или об относительно позднем проникновении окончания *-ē* в *ā*-основы (послѣ эпохи „² > ²“) или об аналогии значительно смѣшавшагося с типом *krāva* типа *dūša* из **dūšā : *dūšē > dūše*; к сокращению конечного *-ē* в этом падежѣ ср. рожневск. gen. s. *horē, vodē* („Kres“ 1882, 428). Сокращение могло в охытона совершаться в зависимости от условий *sandhi*; мог имѣть мѣсто и просто переход под влиянием nom. sing., как в резьянском нарѣчии: *kozē, sestřē*, но *brāde, glāve*, хотя в резьянском с долгот переноса на предшествующие долгие фонетически не бывает: ср. nom. s. *kozā, sestřā*, но *brāda glāva*.

Примѣнительно к nom. acc. plur. аналогия сербск. g. s. *krāvē*, nom. acc. plur. *krāve*, g. s. *ženē*, nom. acc. pl. *žene* (чак. g. s. *ženē*, nom. acc. pl. *ženē*) сравнительно с резьянск. *kozē, sestřē : tīpe, slāme* одинаково для gen. s. и nom. acc. plur., при русск. nom. pl. *жены, сестры*, позволяет догадываться о том, что заударные рефлексы *-ē* исчезли раньше подударных, и формы nom. plur. *ā*-основ в крайнем могли утратить долготу в них еще раньше, чѣм в gen. sing.

Jā-основы выступают в словинском в трех типах — в одном, отражающем в корнѣ третью праславянскую интонацию на циркумфлектированном первоначально гласном, и двух с акутированным корневым гласным, обнаруживающих или только изменения, параллельные *ā*-основам или переход „² > ²“:

1. *grāja, žēja, sūša*, серб. *grāja, žeja, sūša*, чак. *grāja, sūša, žēja*, пол. *žadza*;

2. *pīca, tōca, sāja*, серб. *piha, piha, saha*, пол. *tecza* „радуга“;

3. *krāja, klāja, prēja, grīža, kōča* (Rad XLIII, 26; при *kōča*), сербск. *krāja, prēja, grīža, kija*, пол. *przędza*.

Позитивно долготу и краткость заударного окончания в этих основах, параллельную словинским отношениям, можно наблюдать, например, в словинском, как и в других случаях, количеством

¹ Замѣчу мимоходом, что различия интонации в супинах идут параллельно явлениям part. praet. act. на *-l̥, -la . . .*, отчасти 2—3 л. аористов в серб. и др. — Об этом особо.

² Но в резьянском *tōca*. Опыт, § 21.

конечных слогов близко сходящемся со словинским: *cažāu, vūolā*. Колебание количества заударного гласного мнѣ представляется наиболѣе естественным поставить в параллель литовским окончаниям *ja* из **jā* и *ē*.¹

Праслав. **ē* послѣ *ž, č, š, j* дало рефлекс, совпавший с **jā*, что могло повести к совпадению тѣх и других основ.² Рефлекс **ē* сохранился в послѣдствии в видѣ долготы в именительном падежѣ и поддержал долготу в остальных.

Конечно, интонация самого литовского *ē* — загадка, но гипотеза о происхождении его из **ēi* дает, по крайней мѣрѣ, вѣроятное истолкование ея.³

Что касается словинск. *māti* с рефлексом заударной краткости (словинск. *hči* и серб. *khū* имѣют вторичное *o* вслѣдствие бывшего *ь* в корнѣ), то *i* в нем, как и в других языках, не параллельно праславянскому рефлексу **ē* в *ē, iē*-основах и представляет, как обычно принимается, продукт аналогии.

В *o*-основах останавливают внимание прежде всего формы locat. sing. (*pri*) *brātu, gādu*, instr. plur. (*z*) *brāti, gādi* (ср. *z grobi, s posi*), gen. plur. *dēl, kopit* и nomin. plur. *dēla, kopita* (о locat. plur. упомянуто выше). Долгота конечного гласного в первых двух находит параллель себя в словинском: loc. sing. *volū, bregū*,⁴ instr. plur. *brātī, hlūopī*, и потому может с большой вѣроятностью считаться праславянской. Ея сохранение в этих формах объясняю предположением об общем сохранении в праславянском на концѣ слов долгот рефлексов дифтонгов.

Кромѣ данных, возводимых мною к индоевропейским окончаниям **ōu* — др.-инд. *sūnāu* (loc. sing.) и *ōis* — сскр. *vrkaiḥ*, авест. *vāhrkaiš* (instr. plur.),⁵ это же явление наблюдается еще в формах *i*-основ:

¹ Ср. О. Hujer, *Slovanská deklinace jmenná*, § 2, I. Rozwadowski, Opus, cit. § 20, И. Эндзелинъ, Лингвистическія мелочи, Р. Ф. 13., стр. 109 и сл.

² О других еще возможностях в статьѣ Эндзелина. Против гипотезы J. Микколы (*Urslav. Gramm.*, § 46—47) о сохранении *ē* и в послѣднем положении со слѣдами в польском говорит, напр., *žaba*, а не *žeba* из **gēbhā*.

³ Гипотеза Н. Ван-Вейка (*Arch. XXXVI*, S. 345—346), объясняющая третью интонацию в *jā*-основах изменением *~j > ^j* „в известных условиях“ встрѣчает трудности, отмѣченные самим автором, и не объясняет долготы во флексии.

⁴ Орфографию Лорентца упрощаю.

⁵ В послѣдній раз, насколько знаю, у А. Meillet, *De quelques finales slaves* *Rozn. Slaw. VII*, 1914—1915 г., стр. 5.

слов. *nī*, gen. и dat. s. *nīti* и далѣ во всей парадигмѣ с „*o*“, *smīti*, *smīti* . . .,¹ словинцск. dat. loc. sing., nom. acc. dual. *māšī* (nom. *māš* — мышь), *fsī* (nom. s. *vjiš*). Genet. sing. и nom.-acc. pl. имѣют в окончаніи *ā*, под удареніем *ā* — *māšā*, *fsā*, т. е. рефлексы краткости. *ā* восходит к старому *i* *i*-основ.; что же касается *ā*, то, как доказывает Лорентц,² оно, повидимому, отражает вліяніе старых *jā*-основ (при предшествующих *n*, *č* и губных праславянское *i* отразилось бы в видѣ словинцскаго *i*). Вліянію этой параллельной формы с краткостью (см. ниже) своим появленіем обязана, вѣроятно, краткость в первом случаѣ. Соотвѣтственныя праформы падежей *i*-основ реконструируются для genet. sing. в видѣ **ejs*, для locat. sing. **eī* и так же для dat. s., если он перенесенный аналогіей locat. s. Долгота в nom. accus. plur., о которой говорит только словинскій, вряд ли фонетическая: совпаденіе формы gen. s. *nīti* и nom. accus. plur. вызвано совпаденіем gen. s. и nom. accus. plur. в типѣ с нисходящей интонаціей и краткостью гласнаго корня: *stranī*, *kostī*. Больше трудностей представляют формы nomin. accus. dualis. Если онѣ восходят к **i*, как обычно думают, то ожидалось бы в праславянском конечное удареніе в типѣ с кратким или циркумфлектированным гласным корня. Краинскій словинскій этого не подтверждает, но в резьянском при nom. pl. *kōkuši* — nom. accus. dual. *dūt kukuši*, что скорѣе соотвѣтствует древности. Мнѣ неясно, откуда ведет свое начало новая форма с накоренным удареніем, но она как раз соотвѣтствует таким, в которых *i* отражало бы происхождение из дифтонга. Думаю поэтому, что по аналогіи *a*-основ, гдѣ dat. s. и nom. nom. accus. dual. совпали, формы nom. accus. dual. в *i*-основах получили долготу или только рефлекс *e* из dat. s. (если независимо в словинском и словинцском, то, вѣроятно, не без вліянія совпаденія и в loc. s.)

В *o*- и *u*-основах, совпавших нынѣ в одной парадигмѣ, словинскій отражает праславянскія конечныя долготы, кромѣ уже упомянутых форм, в dat. s. *brātu*, *psū*, voc. s. *psū* (ср. и *kūoñū*) — индоевр. *ōi* (d. s.)³ и *ou* (v. s.). В словинском нѣтъ формы vocat. s. на *-u*, а в dat. s. слѣд конечной долготы не сохранен. Формы вродѣ *h kmētu*, приведеннаго М. Валявцем (Rad CXXXII, 159) (так, очевидно, и *k brātu* . . .), толкуются им как результат вліянія loc. s. (точнѣе, предложнаго падежа).

¹ *Mīši* при *mīš* — продукт аналогіи.

² *Slovinzische Grammatik*, § 139.

³ См. А. Meillet, *Roczn. Slaw.* VII, стр. 3.

В *a*-основах долгота хорошо засвидѣтельствована в рядѣ языков для genet.-locat. dualis: словинскія резьянскія *nūhū* (Опыт, § 174), *rohū* („Материалы“ I, 312. — с конечнаго краткаго удареніе было бы перенесено на предшествующій долгій слог), словинск.-терское *tuw ruhū* (Сборн. 2го Отд. Ак. Н. LXXVIII, 375); серб. *u ruhū*, *slūgū* (М. Rešetar, *Betonung*, S. 86) и др. У Ившича (Rad CLXVIII, 133) приводятся еще посавскія *nōgū*, *rūkū*, *slūgū* в значеніи pluralis; словинцск. *rahū*, *nogū*. Индо-европейская праформа реконструируется как *āu* (*āus*). — Ср. и словинск. мѣстоименія *nāju*, *vāju* (dualis gen. locat.), чешск. *nají*, *vají*, словинц. *nāju*, *vāju*.

Параллель к рефлексу dat. sing. *o*-основ представляют мѣстоименія — діалект. серб. *īdmū*, *tēmū*,¹ словинцск. *īgmū*, *tēmū* и др.-скр. *tāsmāi*, авест. *aētahmāi*. Словинскій язык, несмотря на утрату слѣдов нѣкоторых заударных долгот такого происхожденія, сравнительно с другими славянскими языками должен считаться все-таки относительно хорошо сохранившим старину, и в этом отношеніи его превосходит только словинцскій. Утрата им долгот совершилась в условіях, не поддающихся точному учету, как значительная часть явленій конца слова (ср., напр., большое расхожденіе в этом отношеніи кашубских діалектов), но может быть, акутированныя конечныя долготы такого происхожденія, как подударныя в парадигмах с циркумфлектированным корнем, сохранялись в нем лучше циркумфлектированных.²

Отступленіем от общаго правила о сохраненіи долготы в рефлексах конечных дифтонгов являются только отраженія праславянских *e*, *i*, явившихся в спорных условіях интонаціонной дифференціаціи из **ai*, **oi* и под., — имѣю в виду флексію dat. s., locat. s., nom. accus. dualis *a*-основ, nom. accus. dual. *o*-основ, neutr. g., nomin. plur. *o*-основ, dat. loc. s. личных мѣстоименій.

Нѣкоторую аналогію особой трактовкѣ других рефлексов дифтонгов сравнительно с праславянским **ie*, откуда при разных интонаціях **i* и **e*, вижу в прибалтійском: ср. сохраненіе различій интонаціи в конечных дифтонгах *ie*, *uo* при обобщеніи *~* в других (И. Эндзелинь, *Славяно-балтійскіе этюды*, 143 и дал., Изв. XXI, отд. стр. 2).

Двѣ категоріи, в которых имѣются в словинском свидѣтельства долготы рефлексов **oi*, возбуждают различныя сомнѣнія. Прежде

¹ У Шахматова *Очеркъ* . . . 79.

² Ср. подобное предположеніе для словинцскаго у Lorentza *Roczn. Slaw.* VII, 52 ff.

всего, это формы повелительного наклонения типов *nesita*, *-iva* и т. д., *tonite* . . ., *ležite* . . ., *hvalite* . . . и т. п. (Rad CII, 92, CXXXII, 157). Ср. и sing. *nesi mi* (Рыбница), *mozi Bog*. Горенцы колеблются между *-i* и *-i̇*. Наличие циркумфлектированной интонации в формах императива и для словинского констатировал Миккола (Urslav. Gramm., § 121), и потому ее приходится считать уже праславянской.

Однако, по крайней мере, для типов **hvāli*, **hvalite*, **toni*, **tonite* она несомненно вторична, как ясно из праславянского места ударения. В типе **nesoite* (plur.) ожидался бы перенос к началу **nēsēte*. В нынешнем виде формы pluralis и dualis и в словинском и в словинском — результат влияния singularis, и решение задачи лежит, очевидно, в последней форме. Обилие в этом классе случаев с редуцированными, **tvcī*, **pvcī* и под., позволяет также догадываться о влиянии о этих форм. Как бы, однако, ни объяснять этой интонации в sing., вне сочетания с энклитикой, в исходке слова одинаково в словинском и словинском ожидаемая краткость. — Тип *bōdimo*, *bōdite*, *sēdimo*, *sēdite* (Rad CII, 93) в согласии со словинской утратой заударной циркумфлектированной интонации.¹ Формы locat. sing. о-основ, о которых Валявец (Rad CXXXII, 158) пишет: „Кад *-ē* izgubi svoj naglas, spadne na poluglasni *-e* za što se obično piše na poluglas spali *i* — pri *kmēti* za *kmēte* od *kmētē*. Ali se danas za taj *i* uzima dativni nastavak *-u* . . .“, имѣют о, вѣроятно, под влиянием locat. plur. В угорском нарѣчии, насколько знаю, в этом случае краткость: *na mesti*, *vu deli*, *v . . . leti* (Letop. Mat. Slov. 1874 и 1877 г., *izgledi slovenskega jezika u Ogerskem. Passim*). Но в Vashidegkut, может быть под влиянием и *i*-основ, здѣсь долгота: *v rāmi* (= *h rami*) — Roczn. Sl. III, 184 с.; так и в резьянск.: *tu mēste* (Uzhilo 270) и под., но так же и *na mēstu* ibd. 290. Кроме рефлексов **ē*, **i* из дифтонгов, нѣтъ ожидаемой долготы также в окончании инфинитива *ti*, которое, по всей вѣроятности, восходит к индоевропейскому **tej* въ отличие от литовск. *ti* из **ti*. О лит. диалект. *tie* ср. Hujer Sl. dekl. jm. 144 с. Гибель долготы в этой форме имѣет аналогію в происшедшем на глазах истории вытѣсненіи форм на *-ti* формами на *-t̃* (ср., между прочим, диалектич. болгарск. формы на *l̃*).

Неясна долгота в словинском abl. pl. — *mī*, *sinmī*. Соответственно ему выступает *glavāmi*, *nogāmi*. Валявец (Rad CXXXII, 195) видит

¹ Теорія А. А. Шахматова, Очеркъ, § 149, 152 и др. не привожу, т. к. их убѣдительность связана с рядом концепцій, рассмотрѣніе которых завело бы далеко в сторону.

в послѣдних формах параллельныя чак. *nogāmi*. и это сближеніе подтверждают резьянск. *z nohāme*, *z rokāmi* (Опыт, § 184). Если в типе *krāva* форма abl. pl. звучит *krāvami*, а не *krāvami*, как ожидалось бы, то она не представляет изолированного примѣра отсутствія перехода „> о“ перед былой долготой флексіи, отдѣленной слогом: ср. тип *rādost* — *rādosti* и т. д. при Vashidegkut-ских: f. *pāmāti*, s. *pāmāti* (ср. *pāmāt* Roczn. Slaw. III, 184).

В словинском в окончаніи *mi* также рефлекс долготы: *brātmi*, *břegamī*. Если *i* в нем не дифтонгического происхожденія, возможность чего не исключена, то долгота его могла быть получена из **y* abl. pl. о-основ. Обратное предположеніе — у Валявца (Rad CXXXII, 212). Ср. и *nāmi*. I. Mikkoła (Urslav. Gramm., §§ 103, 121) объясняет *mī* в обоих языках из форм с выпавшими редуцированными. По аналогіи форм plur. в dualis — *āma*: *nogāma*, *rokāma*, ср. и *nāma*.

Остатки падежей с конечными долготами представляют нарѣчія *čāsi*, *čāsih*, *drēvi*, *jūtri*, ср. словинск. *loñi*, *dravī*.

Кромѣ рассмотрѣнных падежей о-основ мѣну „> о“ обнаруживают еще genet. plur. и nom. accus. plur. neutr.

Genet. plur. представляет факты, параллельные *ā*-основам: *dēl* из **dēl̃e*, *kopīl* из **kopīl̃e*, резьянск. *muñ čas* много раз (Опыт . . . § 200) при *mōž*, *zōb* из **mōžb̃*, **zōbb̃*. При циркумфлектированных и кратких корнях genet. pl., повидимому, имѣл исходную ударяемость флексіи. Основы с акутированной интонаціей отразили и в этом падеже характерную для них неподвижность ударенія. Что касается форм на *-ov*: *orēhov*, *obrāzov* (им. ед. *orēh* из *orēh*, *obrāz*), то долгота *ov* в gen. plur. позитивно засвидѣтельствована в формах вродѣ *bogōv*, *darōv* (Rad CXXXII, стр. 172).

Наиболѣе темной по своему происхожденію является долгота в nom. pl. neutr. *dēla*, *kopīta*, *vīna* < **dēlā*, **kopītā*, **vīnā*. Долгота в этом окончаніи свидѣтельствуется, кромѣ словинского, чакавск. *lica*, *plūca* (ср. лит. *plūčiai*), *imenā*, *simenā*, посавск. *plātnā*, *vīnā* (~ рефлекс праслав. *ʷ*), словацк. *perá*, *poliá*, *pl'úca*.

По появленію третьей интонаціи долготу *ā* слѣдует считать циркумфлектированной и потому, по всей вѣроятности, возникшей из стяженія. Ввиду этого удачной мнѣ представляется в основѣ мысль Шахматова (Очеркъ . . . § 133, Примѣчаніе), подозрѣвающего в нем влияніе вымершаго окончанія nom. plur. fem. *ā*-основ — **ā̃* + *es* > **ās* > **ā*.

Обзор словинских форм с изменением „> џ,“ как и соответственные данные из словинского, привел нас к констатированию в праславянском относительно многочисленных долгот. Среди них известное количество принадлежало циркумфлектированным. Возникает вопрос, в какой мере наличность их подтверждается при образованиях с предшествующим окончанию циркумфлектированным гласным принятым выше законом „^а > ^{аа}“. В *i*-основах слѣдов такого изменения не обнаруживается вовсе, нѣтъ их в loc. sing. *o*-основ и др. Наиболее гладкие результаты получились бы, если бы мы закон Розадовскаго с’узили, признав, что „>“ только перед ^а гласных особаго происхождения, напр., из стяжения (ср. сказанное о типах **chvālŕšb*, *vězàn*), но не перед обычной циркумфлектированной интонацией пра-индо-европейских дифтонгов с кратким слоговым гласным. Так как всѣ случаи, в которых перед долготой флекси засвидѣтельствована третья интонация, сводятся сплошь к удлинению вторичным и по происхождению темным (nom. pl. neutr., gen. plur., *e*-основы), то не было бы особенно смѣлым допустить их родство с долготами перваго, а не втораго рода. Думаю, однако, как замѣтил уже выше, что отчетливые слѣды третьей интонации префиксов в славянских языках отражают дѣйствительно первоначальныя „^а > ^{аа}“, и потому склоняюсь к мысли, что слѣды ^а в парадигмах или утрачены под влиянием других падежей, или что конечныя циркумфлектированныя долготы, будучи в период дѣйствія даннаго закона короче срединных, перехода „^а > ^{аа}“ не вызывали, за исключеніем случаев, когда, явившись в результатъ стяжения, получили большую долготу. Раннее приобращеніе циркумфлектированными окончаниями различія от срединных циркумфлектированных слогов сказывается и в отсутствіи переноса с них ударенія к началу в случаях их исходной подударности.¹

Членныя прилагательныя. Для них Белич вообще отрицает наличность типа с акутированной долготой уже в праславянском (Акцентаске студије 1914 г.); поэтому, вѣроятно, не оговаривает (стр. 56 и слѣд.) возможности происхожденія *zdrāvi*, *sīti* и т. п. <

¹ Иначе Шахматов, Очеркъ... § 128 и далѣе. — Ученіе А. Meillet (Р. Ф. В. 1902 г.), о котором идет рѣчь в данном мѣстѣ, я понимаю в том смыслѣ, что подвижной тип с циркумфлектированной интонаціей уподобил себѣ подвижной с акутированной.

Многочисленнѣйших контроверз, касающихся отдѣльных окончаній, не пытаюсь подвергать новому анализу. На соответственную литературу о них там, гдѣ есть всѣ основанія предполагать ея общеизвестность, мною ссылок не дѣлается.

zdrāvī*, **sīti* (zdrāvī*, **sīti*) на словинской почвѣ. К конечной долготѣ ср. резьянск. *duwji* „дикое“ (Опыт... § 118, 171). Параллельный тип с третьей интонаціей из циркумфлектированной в болѣе ранній период праславянскаго языка имѣем, повидимому, в *sūhi*, *glūhi*, *hūdi*, *mlādi* у Брезника (Arch. f. sl. Phil. XXXII, 403), *drūgi*, *pēti* и под. (Rad CXXI, 145). Во многом старыя отношенія нарушены. О них у Белича.

В сравнительной степени в сербском в случаѣ подударности корня один тип с“: *mlāhū*, *mēkūi*. В словинском соответственно только џ, в котором одинаково могут быть скрыты рефлексы акутированной долготы перед долготой из стяжения и перед выпавшими редуцированными, а также циркумфлектированной, не перенесенной на слѣдующій слог со стяженіем. — Список форм — у Валявца Rad CXIX, 206 слѣд.

Формы з pers. plur. praes: *sēdejo*, *obūjejo*, *vēnejo*, *vīdijo*, *mīslījo*, *pōkajo*, *māžejo* и т. п. отражают долготу конечнаго *o* из *o*, полученную послѣдним уже в праславянском из параллельнаго окончанія *ōtŕ* (M. Valjavec, Rad GXXXII, 176, S. Ivšić, Rad 187, 189 слѣд., I. Mikkola, Urslavische Gramm., § 101). Позитивно долгота этого окончанія засвидѣтельствована в случаях с конечным удареніем: *pekō*, *nesō*. Сохранили ее и другіе славянскіе языки: чешск. *nesou*, пол. *niosa* и др. Эти формы могли послужить отправным пунктом для распространенія нисходящей интонаціи в других числах и лицах, поддерживая аналогію типов *glādim*, *pādam*.

Пермь — Харьков 1921—1922 г.

II.

Акцентологическія отношенія, связанныя с качеством закрытых „o“ в словинском.

(Посвящается профессору Б. М. Ляпунову к 30-лѣтнію его ученой дѣятельности.)

В случаях переноса циркумфлектированнаго ударенія на слѣдующій слог фонетическим рефлексом праславянскаго „o“ в литературном словинском (краинском) является только *o* (o²).¹

¹ Ср. Б. Ляпуновъ, Нѣсколько замѣчаній о словинско-нѣмецкомъ словарѣ Плетершника, 1903. г., стр. 69: „Появленіе *o* из *o* подъ удареніемъ замѣчается в особенности при „выдвижкѣ“. — Это вѣрное наблюденіе почтеннаго ученаго не фиксировано им, однако, с полною опредѣленностью: ср., напр., замѣчаніе при *ogre* (стр. 52): „...*ogōr*...“, как видно из сербск. *ūgor*, п. *węgorz*, здѣсь выдвижка“.

odôra, но серб. *ôdora*, *podôba*, рез. *podôba* (Uzhilo 102, 296) и др., *zatuôra*, *razsôha*, болг. *разсôха*, но серб. *рăсохе* и друг.

В самом словинском діалекты угорскіе и штирійскіе обнаруживают тенденцію распространять тип с начальным *'*, восходящим отчасти к третьей праславянской интонаціи долгот (ново-акутовой).

С этими образованиями, особенно с типом *в*, связаны очень трудные вопросы славянской акцентологии: как, напр., объяснить при срединном удареніи отсутствіе переноса его с краткостей на акутированное окончаніе *-а* в именительном падежѣ (закон Де-Соссюра-Фортунатова), отсутствіе такого же переноса в винительном и других с циркумфлектированной флексіей — на предшествующіе краткіе префиксы (сказанное относится и к циркумфлектированным срединным долготам), появленіе третьей интонаціи префиксов, циркумфлектированную интонацію срединнаго слога в словинском и др.

Как бы, однако, ни рѣшался вопрос об интонаціи срединных слогов в префиксальных образованиях (см. слѣдующій этюд), дифференціация *o* и *ȯ* должна вопреки Валявцу (Rad CXXXII, 202) и Ван-Вейку (Archiv f. sl. Phil. XXXVI, 364), возводящим *odgôja*, *opôna* к первоначальным **ôdgoja*, **ôpona*, со всей вѣроятностью считаться и в этой категоріи случаев отражающей старое различіе мѣста ударенія.

Суффикс *-ota*. *ôta* имѣют по Валявцу (Rad XLIII, 61 и сл.) образования от прилагательных с *o*, *e* или редуцированным корня и *sirôta* (ср. болг. *сѣроша*). Колеблются *srámota* — *sramôta* (угорск.), *stráhota* — *strahôta* (угорск.). При *rabôta* у Плетершника, у Мурка и Янежича *râbota*. См. еще у Плетершника неясное „*piskôta*, die Heiserkeit, vzh.-št.“ Валявец (Rad CXXXII, 202) толкует тип *-ôta*, как возникшій переносом *˘* на слѣдующій слог. С таким толкованіем сходится или, по крайней мѣрѣ, не противорѣчит ему большинство примѣров. В других можно усмотрѣть нефонетическое влияніе: *rabôta* из **râbota* в виду акутированной интонаціи корня фонетически вывести нельзя;¹ поэтому закономѣрной формой должна считаться данная у Янежича и Мурка. Ср. *lâkota* (при *la-kôta*) у Плет., *drémota* у Мурка (при *dremôta* у Плет.). Как пока-

¹ Гипотеза А. А. Шахматова („Очеркъ древнѣйшаго періода исторіи русскаго языка“, § 128) об измѣненіи *˘* > *˘* : dat. s. **syndvi* > **sŷnovi* встрѣчает серьезныя затрудненія. Примѣнительно к данному случаю, неясным осталось бы діал. *râbota*. Ср. и матеріал, приводимый ниже.

зывают довольно согласно русск., серб., чешск. и отчасти болгарскій, производныя от корней глагольных, существительных и *concreta*, образованныя от прилагательных, отчасти имѣли, а отчасти по разным причинам приобрѣтали в osobной жизни славянских языков удареніе не на концѣ: русск. *лѣхôша*, *лѣгôша*, *блѣвôша*, *зѣвôша*, *ломôша*, *работôша*, *дремôша* и др. (но и *шягôша*, при *шюшягôша*, *могôша*, *духотôша*), діал. *красôша* — „родъ вѣнца изъ лентъ и цвѣтовъ, который ставится на дѣвичникѣ передъ невѣстою“ (Даль); но *высôша*, *красотôша*, *слѣпотôша*, *глухотôша*, *проситôша* и т. п.

Сюда же примкнула и *сиротôша*, но с сохраненіем стараго ударенія в имен. мн. См. и укр. *сѣроша* и *сиротôша* (Smal-Stocky i und Gartner, Gramm. der ruthenischen (ukrainischen) Sprache. 1913. S. 238).

Сербскія *concreta* *лѣшôша*, *врâноша* — клички быков (A. Leskien, Grammatik der serbokroat. Spr., § 276),¹ *работôша* (с неясной краткостью); *сирôша* и *срамôша* имѣют вин ед. *сѣрошу*, *срâмошу*.

Болг. *работôша*, *сѣроша* (при *сиротôша*), *срâмоша* (при *срâмошôша*). — Отглагольныя, однако, подверглись влиянію *abstracta* от прилагательных: *дрѣмôша*, *шѣготôша*, *блѣвотôша*.

Чешск. *drîmota*, *tîhota*, *sîpota*, *smîchota* „хохотун“, *mrâkota*, формы, восходящія к долготѣ пред ударяемым кратким *o*, но *nĕmota*, *hluchota*, *sîrota* = сиротство.

С этим согласуются и словинскія *lâkota*, *drémota* (Мур.),² *sirôta* из **sîrota*, *sramôta* из **srâmota*, *strahôta* из **strâhota*. Что касается *abstracta* от прилагательных с коренной краткостью, то в них *-ôta* из *˘ota* ввиду того, что первоначальное удареніе срединнаго *o* в падежах, не имѣвших акутированного гласнаго, по закону Шахматова (Очеркъ, § 148) перенесено было на начальныя краткости. Сравн. в случаях с корневою долготою засвидѣтельствованныя в памятниках отношенія вродѣ *lepôta*: вин. *lepôtô* (Rad CXXXII, 195), говорящія для косвенных падежей *o* первоначальном **-ôt*.³

Неясными представляются мнѣ резьянск. *dobrûta* (Uzh. 31, 52), *horkûta* (Матер. I, 344) с *u*, являющимся рефлексом долготы; но так как резьянскому нарѣчію неизвѣстна выдвигака, то данные примѣры во всяком случаѣ — свидѣтельство стараго ударенія

¹ С мѣстом ударенія, вѣроятно, из вокатива.

² Которое, впрочем, является скорѣе новообразованием, т. к. **drémâti* правдоподобнѣе выводитъ из корня с циркумфлектированной интонаціей.

³ Подробнѣе в особом этюдѣ.

*-*ôta*. Поэтому не слѣдует выводить *gorkôta* прямо из **gôrkota*, как это дѣлает Валявец (Rad CXXXII, 202). Нельзя этого дѣлать и потому, что *ô* с закрытых слогов на слѣдующий фонетически не переносится.¹ Приходится, таким образом, думать, что в нынѣшній тип *-ôta* известное количество образований с кратким гласным корня вошло нефонетически.

Префиксальныя образования *o*-основ. *Prôdaj, pômen* у Плетершника, как показывает отсутствие переноса, имѣют ударение не первоначальное: *prôdaj* отдѣльно почти не употребляется; этот относительно рѣдкій случай отмѣчен у Янежича в формѣ *prodáj = prodáj*; *prôdaj* же из обычных сочетаній *na prôdaj, za prôdaj* из **nâ prodaj, *za prodaj*. Mutatis mutandis это относится к *pômen* (при обычном в независимом употребленіи *potmen* с другим исходным мѣстом ударенія): ср. *na pômen dati* (серб. *пѣмен*).

Отдѣльные случаи:

Плетершник указывает *obôd* и *obvôd* (первое и у Валявца, Rad CXXXII, 200) при русск. *дбод*, шток. *дбод*. Фонетическая форма у Шкрабца (Cvet, см. Дополн. и поправки у Плетершника) — *obôd*. Форма с *o*-, повидимому, контаминація *obôd* и **obôd*, **obôda* (господствующій при корневых краткостях тип).

Povôj (Плет.) Это образование, как и предшествующія, вѣроятно контаминація: ср. рез. *zís pôwujon* (Mat. I, 255), болг. *пѣвоји* (Сб. IX, 137) при *povôj Janež.*, серб. *пѣвој*. (У Метелка *pôvoj* с закрытым *o*, что слѣдует читать, скорѣе всего, как **pôvoj* — форма, вѣроятно, отвлеченная из сочетаній с предлогами.) *Vdôva*. Согласно принятому слѣдует выводить из **vôdova* (точнѣе **vôdovô* и других падежей с циркумфлектированной флексіей). Такую реконструкцію подкрѣпляет сербскій: *вдов, -а* = вдовый, -ая. Сохраненіе в словинском начальнаго ударенія на редуцированных имѣло мѣсто долѣе, чѣм в других славянских языках: ср. *dehôr* (*dvhôr*) из **dêchor*,² *bčêla* из **bčêla* ср. рез. *bôcêla*. (Опыт § 140) с рефлексом *e* < **o*.

¹ Что касается *dobrôta*, то трудно рѣшить, как рано образовалась форма с новым редуцированным *dôber* (*dôbьr*) и не оказала ли она влияніе в смыслѣ уподобленія производным от типа *gôrêk* (*gôrьk*).

² Выставленное касательно *o* положеніе позволяет мнѣ дать утвердительный отвѣт на вопрос Ван-Вейка (Archiv XXXVI, 361): ... „weist aber nicht slov. *dvhôr, dehôrja* auf ursprüngliche Betonung der urslav. Anfangsilbe *dê-* hin?“

Случай *ô* не в начальных слогах в прилагательных — *sirôv, sirôva*, рез. *sírov, síravo, sírövö* (Опыт, § 49, § 135), шт. *cûrov; ubôg, -a* (Плет.) Мет. *ubog, bog* (*o* закрытое) при *ubog* (Rad CXXXII, 153); ср. *nebôg, nebôre, nebôže* (Плет.), Вал. Rad CXXXII, 130 *nebog*, серб. *убог, -а, нѣбог, -а*. Выводить *sirôv* из *sírov* нельзя, т. к. **ĭ*, как рефлексу индо-европейскаго монофтонга, не могла принадлежать циркумфлектированная интонація, ср. *sírotka* из **sírovatka* — сыворотка.¹ Думаю поэтому о контаминаціи **surôv* (теперь *surôv*), ср. болг. *cûrov*, и **sirôv, -ôva*, ср. у Мурка (Slov.-deutsch W.) *srôv* и у Плетершника *sirôvka* „neka mlečna goba, ki se more sirova jesti“; **ubôg* и *ubog, -ôga*; возможно и влияніе членной формы *ubôgi*.

sivôr, -a из **sivor* (ср. *suhôr*). Прилагательное, однако, звучит *siv* (ср. и русск. *сивый* с отраженіем акутированной долготы) и в соответствии ему имѣется *sivora*. Возможно, что в том говорѣ, из котораго к Сиг. попала эта форма, **siv*: ср. *siv* с долготой у Янежича, Метелка, Мурка и *siv* в чакавск. (Novi), хотя, скорѣе, Плетершник здѣсь через *-or* передал *-ur* источника.

nôhet, nôht (при *nôhât*) Rad CXXXII, 201, *nôhet, nôht* (ibid. 121), тоже у Плет. Если формы с *o* отражают дублет к **nogъtь* — **nogtь* под влияніем косвенных падежей, то фонетическими являются *nôhet* и *nôht*. Ср. обратное *vôsk* и *vôsek* Rad CXXXII, 201.

skôblja ‚das Schabeisen‘, *skôbljati* ‚schaben‘ „škrinjar skoblja (skubla) deske“. Ravn. (Плет.), повидимому, передача діал. *skublja*, отражающаго влияніе близкаго по смыслу *skubsti, rupfen*‘.

dôjka (Плет.), но у Валявца Rad CXXXII, 149 *dôjka*.

môrje, pôlje при фонетических *morjê, poljê*, вѣроятно, из сочетаній с предлогами, подобно *jêzero* при болѣе старом и фонетическом *jezêro*. Резьянское *mârje* (Опыт, §§ 41, 202) имѣет новое удлиненіе *o* перед *rj*?

pômneti, pômniti, pômnja ср. *dômneti se, pôjdem* при *pôjdem* (и *pôjdem*), рез. *pujde* Mat. I, 1011, *pôjdeti* 1054. Эти два случая указывают, кажется, что префиксы, подударные уже перед эпохой переноса ударенія с редуцированных на предшествующій слог (*pôjdem* из **poidem*, как *ôžьga* из *ožьga* и т. п.), в случаях, когда перенос не был возможен из за выпаденія слѣдующаго редуцированнаго, сохраняли *o*, то есть префиксы обладали в сознаниіи говорящих нѣкоторою изолированностью сравнительно с другими

¹ Сохраняется, впрочем, отдаленная возможность влиянія **sĭrô* (adject.), параллельнаго русск. *сырôй*, в котором циркумфлектированная интонація параллельна **nâgъ, *jûnъ* и под.

случаями, в которых *o* находилось в положении перед редуцированным и переходило в *o*. Менее ясно рожневское *prüedam* = *prodajam*, которое соответствовало бы краинск. **prôdam* (у Плет. указано горенск. *prôdam* = *prodajam*), ср. параллельное рожн. *spuevniti* „вспомнишь“ (*ue* в рожневск. рефлекс *o*). Отсутствие переноса на гласный из стяжения?

prôti отвлечено из *naprôti*.

skôzi отражает влияние *skôz*.

sinôci, *snôci* = „gestern, abends“, что касается качества гласного, — *nôč*.

Удовлетворительного объяснения не нахожу для групп *kôli adv.*, *kôlik*, *kôlikaj* и под., *tôli*, *tôlik* и т. п. Неясно для меня и *bôlji*, *bôljsi* (ср. *gôrji*, *gôrsi*) и *vôljni* Plet. II, 785.¹

Внѣ условий выдвигки и абсолютного исхода слов *o* является в односложных искони ударяемых словах перед отпавшим конечным редуцированным: *bôg*, *vôz*, *nôs*; *nôč*, *kôst*, *sôl*; *bôs*; *pônj* = *po-nj* из **po-nъ*.

Отстают *plôd*. (Плет.) при *plôd* (Валявец, Rad CXXXII, 191, 197) и *plôd* (Rad XLV, 65), *znôj* при *znôj*, *znôja* (Плет.), *znôj* (Rad CXXXII, 191, 197).

— *hôt* (Rad CXXXII, 191) при *hôt* ibd. 199 (Плет. *hôt*), *zvôn* (Rad CXXXII, 191) при *zvôn* 197 (Плет. *zvôn*), *plôt* ibd. 191 при *plôt* 197 (Плет. *plôt*), как и *bôr* стр. 197 (Плет. *bôr*), по всей вероятности, опечатки. Так как при обоих отстающих случаях засвидѣтельствованы параллельные формы типа с исходным конечным ударением, то их естественно всего считать подвергшимися влиянию отглагольного типа, в котором колебание *-ô-* : *-o-* очень распространено, ср. и глаголы *ploditi*, *znojiti*.

Что касается *ôs*, fem., *ôst* fem. у Плетершника при *ôs*, *ôst* Rad CXXXII, 191, но *ôs*, *ôst* ibd. 199, то они получили, вероятно,

¹ Слов определенно диалектического происхождения, отмѣченных у Плетершника, не оговариваю, кроме одного загадочного и примѣнительно к литературному языку: *môtika* (штир., угор.) при *motika*. Резьянское и терское нарѣчье отражают ударение, совпадающее с русским, болгарским и сербским, которое есть вмѣстѣ с тѣм и праславянское (из **môtjka*, по закону Де-Соссюра-Фортунамова могло получиться только **motjka*): *z mafikw* Сборник Ак. Н. LXXVIII, 452, 649 (терскій говор без выдвигки), *mütjka* (Опыт, § 136). Перенос (диалектический) вторичнаго *^* (Mikkola, Ursl. Gr., § 100) к началу? (Ср. Arch. f. sl. Phil. XXII, 494 и далѣе — формы part. praeter. fem. sing.)

o из *o* в условиях *sandhi*, ср. *ôl* m. (Плет.), при *ôl* Rad CXXXII, 191, рожневск. *vüev* („Kres“ 1881, 620).

Отглагольные новообразования выступают в трех главных типах:

1. муж. р. *lôm*, г. с. *lôma*, *krôp*, *krôpa*;

2. муж. р. *hôd*, *hôv*, *lôv* (при *lôv*, *lôva*), *lôšč*, м. б. *lôž*, *hôd* (и *hòd*, *hóda* — Плет.; *hôd* Rad CXXXII, 191, 197);

3. жен. р. *hôp* (Rad CXXXII, 191, 199) при *hôp* у Плет., *kôl* (Rad CXXXII, 199), *hôv* (*hòv* Levstik 5, 21), *lôv* (*lòv* Levstik 5, 21) *rôv* „pri tleh ležeča skala (torej že izrita iz zemlje).“

Значительно рѣже отыменные образования:

1. а) муж. р.-м. б. *lôž* (ср. *lôže*), *slôv* (при *slòv*, *slôva*), (ж. р. *slôva*); б) *stôt*, *stôta* (ср. *stotina*);

2. жен. р. *dôb*, ср. и рожн. *dôb* от *dôba*, *gôl* (словацк. *hól*), *mnôž* (*mnôž* Rad CXXXII, 199).

Происхождение первого глагольного типа удачно объяснил Ван-Вейк (Arch. f. sl. Phil. XXXVI, 360): он возник по аналогии соответствующих *composita*: *rêk*, *rêka* из *izrêk*, *izrêka* и т. п. Второй, вероятно, контаминация старого типа *hôd* (серб. *xôd*, *xôda*, болг. *xodъtъ*) и нового *lôm*, *lôma*. Вслѣд за глагольными в него стали входить и производные от имен. В известной части можно предполагать проникновение в него и нѣкоторых образований типа третьего, тоже, по всей вероятности, контаминационного: *môč*, *drôb* и *-ô-* глаголов, от которых образовались соответственные производные; установлению его предшествовало колебание между ним и новообразованиями с краткостью (ср. *lôv*, *kôv* у Levstik-a и стоящее особняком у Плетершника *bôl* при *bôl* у Levstik-a 5, 21; резьян. *bâl* Mat. I, 1350, *bul* Uzh. 196 = *bôl* или *bôl*, но *ôd bolâ* Mat. I, 485).

Наибольше трудные вопросы связаны с качеством *o* перед конечными подударными редуцированными. В случаях вроде **bobъ*, **koň* рефлекс *o*, на которое перенесено ударение, остается тѣм же, что и вообще при оттяжкѣ, т. е. *o* открытым, но как замѣтил Ван-Вейк в рядѣ случаев, может быть, уже в праславянском, имѣло мѣсто удлинение краткостей в восходящие долготы в таком положении перед всѣми сонорными, звонкими согласными **jb* и *st*, *zd* (Arch. f. sl. Phil. XXXVI, 321 слѣд).¹

В соответствии такому удлинению в словинском появляется *o* закрытое.

¹ Детали, в которых я расхожусь с автором этой прекрасной статьи, предполагаю оговорить в особом этюдѣ.

Факты, однако, во многом неясны и оставляют много мѣста для догадок. Наиболѣе вѣско говорящими в пользу гипотезы Ван-Вейка мнѣ представляются словинскія 1. *môj, tvôj, svôj*, 2. повелительное наклоненіе *stôj, bôj se*, 3. *domôv*¹ при *domôv* из **dômov*, которым соотвѣтствуют чакавск. (Novi) *môj, tvôj, svôj*, в параллели с показаніями других языков, чешск. *mûj, tvûj, svûj, stûj, bûj se, domûv*.

Во всѣх этих случаях словинскій язык указывает на *o*: *môj, tvôj, svôj* у Валявца Rad CXXXII, 151, 161, скорѣе всего, опечатки, сравни *môj, tvôj, svôj* на 180 стр.

Появленіе *o* при старой конечной ударяемости извѣстно, кромѣ этой группы, еще в gen. pl. *ā*- и *o*-основ, и там оно не связано с качеством конечнаго согласнаго: *nôg, kôs, otrôk*, как и *kônj* (Rad CXXXII, 172, 173). Возникает поэтому вопрос как толковать *o* в окончаніи gen. pl. *-ôv*: *bobôv, poslôv, sokolôv, darôv, bogôv*.²

Какого бы объясненія ни держатся для окончанія *-v* в gen. pl. в праславянском, загадочное **v̄*, как позитивный факт, может быть принято: ср. сербск. *-â* (resp. долгій редуцированный), чак. *čâs* из **čâs̄v̄*, словинское измѣненіе акутированной интонаціи в циркумфлексированную, факты Киевскаго Миссала и др., и с ним стоит в связи восходящая долгота в соотвѣтственных примѣрах. Вопрос идет таким образом только о том, может ли быть принято при *-ôv* иное первоначальное мѣсто ударенія сравнительно со случаями *kôs, otrôk* и т. п.

Сербскій, знающій *darôvâ, krajêvâ, rogôvâ*, т. е. исходное конечное удареніе в типѣ *o*-основ с конечной ударяемостью флексіи в косвенных падежах имѣет *kôšêvâ, grôbbvâ* и т. п., и это хорошо можно согласовать с допущеніем, что различеніе этих *o* в gen. pl. свидѣтельствуют в первом случаѣ об исходной конечной ударяемости, а во втором **-ôv̄* дало *-ôv*.

Не вижу в *kakôv* 'каков' свидѣтельства в пользу того, что **-ov̄* могло получить иное *-o*- сравнительно с другими случаями: в отличіе от русск. *каковâ, каковô* сербскій имѣет *каков, -a, -o*, чак. (Novi) *takôv, onakôv*, ср. и слов. *tâkov* из **takôv*, и словинское *-ôv* может быть понимаемо в данном случаѣ также, как и *bobôv, -a, -o, jelôv, -a, -o*, т. е. как обязанное своим соотвѣтственным формам женскаго и средняго рода ед. ч. и пр. (ср. Валявец Rad CXIX, 166);

¹ См., однако, Ильинскій, Праслав. грам. 335.

² *sinôv* Rad CXXXII, 195, вѣроятно, опечатка.

в Rad-ѣ CXXI, 163 у Валявца приведены *kakôva = ôva* и *kakôva = kakôva*.¹

Форма *ôv* у Плетершника не внушает полнаго довѣрія относительно качества *o*, т. к. взята из источников того и другого не различающих, а *ôv* у Валявца Rad CXXI, 162 говорит только о закрытости *o*. Впрочем, если бы даже *ôv* было лучше засвидѣтельствовано, оно могло бы быть приведено в параллель измѣненію *o > ô* в *ôs, ôst*.

В именах существительных предполагаемое Ван-Вейком явленіе словинским не отражено вовсе: тип **bobô, *bobâ* вытѣснил в нем тип с удлиненіем в именительном падежѣ почти без всяких остатков.

Нѣсколько случаев, впрочем, могут на первый взгляд разсматриваться как таковые, и потому отмѣчу их: у Плетершника даны *drôzd* и *drôzeg, gvôzd, hvôst, hrôšć* прилаг. *prôst* (при *prôst*) — примѣры, для которых в других языках можно отмѣтить параллельныя формы с конечным удареніем *o*, а не *ô* тоже указывает на нѣчто необычное для старой подударности корня. Думаю, однако, что для праславянских отношеній всѣ эти формы непоказательны: старина отражена в ясных *pôst, pôsta, gôzd, gôzda* с одной стороны, при *môst, kôst* с другой; что же касается данных, то *gvôzd* — новое заимствованіе из русскаго, получившее, как и *nôj* из сербскаго, *o*.²

При *hôst* (fem. *hôsta*) — фонетическое резьянское *höst* (Опыт, § 55).

Hrôst, hrôšć мнѣ неясны, но, кажется, это формы не краинскія, и качество *o* в них отмѣчено Плетершником едва ли не произвольно.

Drôzd приведено Плетершником из одного источника. Обычная форма *drôzq* (рез. *drûsk* § 116) имѣет параллельную *drôzeg*. Замѣна *o* через *ô* (ср. *vôsk, vôsvk* Rad CXXXII, 201) должна быть поставлена в связь с послѣдними формами.

Форма прилагательнаго *prôst*, ж р. *prôsta* (при *prôst, prôsta*) своим *o* указывает на извѣстныя из сербскаго отношенія: *iprôscû, iprôscûa*. *Prôsta* является, таким образом, прямым соотвѣтствіем, и *prôst* вмѣсто **prôst* (ср. *bôs*) под вліяніем женскаго и средняго рода.

Ряда случаев с *o* закрытым, носящим восходящую долгую интонацію в конечном слогѣ, здѣсь не оговариваю. Во всѣх них не трудно установить вторичность послѣдней. Их я предполагаю коснуться в особом этюдѣ. Тут укажу только для примѣра на один

¹ Диал. *kov = kakov* Плетершник передает через *kôv*.

² Ван-Вейк (Arch. f. sl. Phil. XXXVI, 326) напрасно привлекает послѣдній примѣр: у Плетершника опредѣленное указаніе — „hs“.

такой случай — *mozôlj* при *mozôlj*. Последняя форма не восходит к **mozoljъ*, а отражает известное в качестве суффикса *-ûlj* < **-p̃ljъ* (*mozul*, Schwiele, Metelko).

В случаях с ударением перенесенным с конца на слог перед *г* из *гь*, *гь*, *г* из *ль*, *ль*, *л* из *ть*, *ть* и т. п. послѣ согласнаго, с переходом *г* и т. д. в *ьг* и т. д. выступает *о*: *dôbьr* (*dôber*), *môkьr* (*môker*), *môgьl* (*môgel*), *ôсьm* (*ôsem*), *ôсьn* (*ôsten*). Оно же в формѣ gen. pl. с исходной конечной ударяемостью при редуцированном суффиксѣ: *ôвьс* (*ôves*), *lôньс* (*lônes*), шток. *лонáцá*.¹

Харьков 1921 г.

Л. А. Булаховскій.

¹ Valjavec, Rad 132, 172—173.

Под упоминаемыми в статьѣ Plet. (Плетершник), Met. (Метелко), Mur. (Мурко), Janež. (Янежич), Levst. (Левстик) разумѣются:

M. Pleteršnik, Slovensko-němški slovar 1894—1895, 2 тома.

F. Metelko, Lehrgebäude der slovenischen Sprache 1825.

A. Murko, Slovensko-němški in němško-slov. ročni besednik 1832—1833.

A. Janežič, Popólni ročni slovar slovénskoga in němškoga jezika. Slov.-něm. děl 1851.

F. Levstik, Die slovenische Sprache nach ihren Redetheilen 1866.

Prije i poslije.

1. Oblik *prije* tumači se različno. Miklošič drži, da je *prije* upravo čakavski oblik prema stsl. *prěžde*, a ovo komparativ adverba *prědъ*. Da je *prije* = *prěžde* t. j. da je *prije* upravo komparativ, dokazuje mu to, što *prije* kao prijedlog dolazi s genitivom (komparativnim). Tomu svomu tumačenju dodaje, da se *prije* obično ispoređuje sa stsl. *prě*. Vgl. Gramm. I., str. 411., II., str. 323. Ali ne obazirući se na to, da se ne razumije, zašto bi se štokavski oblik, koji odgovara stsl. *prěžde*, naime jek. ek. *pređe*, ik. *pride*, išao zamjenjivati čakavskim *prije*, pita se, kako valja onda tumačiti oblike ek. *prě* i ik. *prī*, koji se upotrebljavaju posve onako kao jek. *prije* (kao adverbi i kao prijedlozi), i ako je u ikavaca (štokavaca) *prije* običnije nego *prī*, te Vuk u Rj. *prī* spominje samo u oblicima *ôtpri* (kao *ôtprije*, *ôtpře*) i *nâjpri* (kao *nâjprije*, *nâjpre*). Tko pak *prije* ispoređuje sa stsl. *prě*, ima na pameti to, da staroslovenskomu *prě-* kao prvomu dijelu složenicâ (kao prefiksu), ako je slog dug, doista odgovara jek. *prije-*, ek. *pre-*, ik. *pri-*, ako li je slog kratak, jek. ek. *prě-*, ik. *pri-*; ali je ikavski oblik rijedak, jer se ikavski oblik za *prě-* ne bi razlikovao od onoga za *pri-*, te Vuk u Rj. ikavskih oblika za *prě-* i ne spominje; tako n. pr. *prěnosъ* = jek. *prijěnos*, ek. *prénos*, a ik. oblik *prinos* = *prinosъ*. Ali identificiranju našega *prije* i prefiksa *prě-* smeta: a) to, što glagolskomu prefiksu *prě-* pravo značenje i nije ‚prijе‘ ni uopće ‚ante‘.¹ Miklošič je u Sintaksi str. 237, i d. glagole s prefiksom *prě-* svrstao po značenju u skupine, ali među njima nema nijedne, u kojoj bi *prě-* značilo ‚ante‘, nego obično mu je značenje ‚per, trans, ultra‘; značenje ‚ante‘ ima prefiks *prě-* veoma rijetko, a razvilo se istom sekundarnim na-

¹ Ante uzimam kao lat. izraz za oznaku onoga značenja prefiksa *prě-*, koje *ante* može označivati, kad ga treba razlikovati od drugih njegovih značenja, koja se označuju lat. *per*, *trans*, *ultra* itd., pa i za oznaku značenja oblika izvedenih od adverba *prě* s rečenim značenjem, bili oni u makar kakvoj službi, jer i *ante* se upotrebljava u različnoj službi: može biti adverb, prefiks i prijedlog, može imati značaj pozitiva i komparativa (za posljednji značaj isp. n. pr. *antequam*).